

ЭНДРЮ МЭЙН

ОХОТНИК

Эндрю Мэйн

ОХОТНИК

Серия «Охотник», книга 1

Серия «Смертельная угроза»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48419236

Охотник: АСТ; Москва.; 2019

ISBN 978-5-17-115419-6

Аннотация

Доктор Тео Крей исследует природу на основе математических моделей. Его страсть и одновременно уникальное умение – находить закономерности и систему в хаотичном, на первый взгляд, поведении животных. Когда полиция обнаруживает труп девушки, которую по всем признакам убил медведь, сомнения возникают только у доктора Крея. Предварительное расследование показывает – подобные убийства уже происходили ранее. Тео уверен – творится что-то странное. Теперь профессору, не обладающему ни навыками детектива, ни полномочиями полицейского, сначала нужно найти информацию обо всех жертвах, а потом убедить власти в своей правоте. Приступая к собственному расследованию, Тео не подозревает, что в процессе ему придется сильно измениться, чтобы завершить

работу. Но самое страшное ждет в конце – ведь успешный поиск означает встречу с хищником лицом к лицу.

Содержание

Глава 1. 1989	6
Глава 2. Морозильник	11
Глава 3. Образец	17
Глава 4. Свидетельства против себя	26
Глава 5. Озарение	34
Глава 6. Полевые исследования	40
Глава 7. Острова	45
Глава 8. Неизвестные земли	50
Глава 9. Полночь	54
Глава 10. Зверь	59
Глава 11. Филантроп	66
Глава 12. Бабочки	74
Глава 13. В пешей доступности	79
Глава 14. Желтая полоса	85
Глава 15. Место смерти	89
Глава 16. Снайпер	92
Глава 17. Банк ДНК	98
Глава 18. Облом	105
Глава 19. Отбой	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Эндрю Мэйн ОХОТНИК

Andrew Mayne
THE NATURALIST

© Andrew Mayne, 2017

© Перевод. А. Кабалкин, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

*Моему другу Гэрри Орстрому за его
вдохновляющую поддержку и воодушевленное
отношение к науке.*

Глава 1. 1989

Лес был какой-то не такой. Только так Келси и могла это описать. Неправильный лес, и все тут. Она смотрела в ту сторону, куда ушел Тревор, не зная, что лучше – пойти искать его или остаться рядом с маленькой красной палаткой и дожидаться Тревора, отошедшего в туалет.

Если бы она призналась, что ей страшно, он бы ее засмеял. Келси порылась в рюкзаке в поисках рулона туалетной бумаги, который она стащила из кабинки на заправке в Коноко, в пятидесяти километрах отсюда. Рулон пришлось освободить от проводов ее плеера, застрявшего среди кассет, которые Тревор записал для нее в Бостонском колледже.

Тревор был долговязым студентом факультета журналистики с копной черных волос и челкой, лезущей в глаза. Они познакомились на вечеринке и подружились на почве любви к прогрессив-року и настольным играм. В первый вечер вдвоем в его комнате в общежитии они слушали Tubular Bells¹, резались в «Стратего»² и пили вино. Она была уверена, что уже влюблена в него, но ждала два месяца, чтобы признаться.

Родители Келси его невзлюбили. Ее отец, банковский слу-

¹ Дебютный альбом (1973 г.) английского музыканта Майкла Олдфидла. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Стратего – настольная военно-стратегическая игра для двух игроков.

жащий, не мог смириться со словосочетанием «будущий журналист», мать же не переставала ругать себя за собственный первый брак, заключенный в колледже. Оба отнеслись к Тревору как к очередному незначительному увлечению дочери, не более серьезно, чем к мальчишке, сопровождавшему ее на школьном выпускном.

Родители Трево́ра были в разводе и жили за границей. Он с ними особо не общался, а вскоре и Келси почти перестала разговаривать со своими. На предложение Трево́ра отправиться в турпоход во время летних каникул она согласилась без колебания. Чтобы подчеркнуть свою независимость от родителей, она только и сказала им, что не приедет на каникулы домой, и игнорировала сообщения, которые они оставляли ей на автоответчике в общежитии. Пошли они к черту.

Прошло две недели, за плечами остались полторы тысячи километров. Теперь, вглядываясь в синюю тьму леса, Келси жалела, что не поехала домой и не попыталась уговорить родителей принять Трево́ра. Поход оказался по большей части приятным приключением. Но время от времени Трево́р проявлял свой вспыльчивый характер, и Келси уже боялась сделать что-нибудь такое, от чего он опять закатит глаза и начнет указывать на ее невежество по части азов туризма и навыков разбивки лагеря.

– Трево́? – позвала она, направляясь по тропинке в ту сторону, куда он ушел.

Ответа не было.

– Ты в порядке, дорогой? Я несу тебе бумагу...

Она прошла не больше десятка метров, оглянулась убедиться, что палатка не пропала из виду, и сделала еще несколько шагов.

В лесу день сменялся ночью. Стрекотали кузнечики, какая-то огромная темная птица – сова? – пролетела над головой, возвращаясь домой или отправившись по каким-то своим птичьим делам.

Келси не могла без содрогания вспомнить, как в Аппалачах заметила огромную стаю черных птиц; она указала на них Тревору. Их было так много! Глядя, как они летят по темному небу, Келси в ужасе застыла.

«Это летучие мыши, детка», – объяснил Тревор.

«Летучие мыши?»

«Да. Наверно, где-то поблизости большая пещера».

«Класс!» – ответила она, стараясь изобразить восхищение. Она не спала всю ночь и обмирала от страха от любой тени на стенке палатки.

Но это было ничто по сравнению со страхом, охватившим ее сейчас.

Она добралась до места, где должен был быть Тревор, – поваленные стволы образовали естественное укрытие, где даже она чувствовала себя почти комфортно.

Но его там не оказалось.

Может, пошел обратно другой дорогой?

Она уже почти собралась повернуть обратно, как вдруг за-

метила кожаный туристский ботинок. Присев, она потянула ботинок на себя.

Он зацепился за корень, как если бы Тревор споткнулся и потерял его. Только Тревора здесь не было. Его вообще нигде не было.

– Трев? – позвала она робко, боясь повысить голос.

Деревья становились все темнее, сумерки сгущались. Келси решила вернуться к палатке, представляя, что там ее ждет улыбающийся Тревор. Она взяла ботинок и заспешила обратно в лагерь.

Палатки не было видно, и она уже была готова запаниковать, но через несколько шагов разглядела в сумерках красную ткань. Палатка на месте, но где ее парень?

– Дорогой? – позвала она.

Однажды он разыграл ее похожим образом, тогда в наказание она оставила его без секса. Она не сомневалась, что он усвоил урок, но все же надеялась, что сейчас это снова его шуточки.

Кейт поставила ботинок перед палаткой и задумалась, как ей быть: подождать, сидя в палатке, или попробовать развести костер.

Разведу костер, решила она.

Она опустилась на колени перед небольшим кругом из камней, чтобы поджечь сухие листья, как вдруг увидела пень, которого раньше здесь определенно не было. Высотой примерно ей по пояс, черный, как ночь, он стоял между дву-

мя елочками, там, где только что – она могла в этом поклясться – было пусто.

У нее перехватило дыхание, она быстро глянула вправо и влево, чтобы убедиться, что не ошиблась. Кода она опять перевела взгляд на пень, его уже не было.

Лес двигался!

Последовал рывок, к ней метнулась тень.

В следующее мгновение она уже лежала на спине и не дышала, придавленная огромной тяжестью.

Ее пальцы вцепились в густую грубую шерсть – из такой же были сделаны кисти, которыми рисовала ее мать. Пахло медью и тухлятиной.

Над ней блеснули когти, но понимание того, что произошло, пришло только через секунду-другую, когда она почувствовала, как по холодному животу течет теплая кровь.

Тревор предупреждал ее, что в этих лесах водятся медведи и пумы. Келси понятия не имела, что за зверь на нее напал. Все что она знала – лежа парализованная, истекая кровью, – что она никогда не слышала о животном, которое бы нападало, а потом просто сидело и смотрело, как жертва умирает.

Глава 2. Морозильник

У ученого не должно быть ни желаний, ни привязанностей, только каменное сердце.

Чарльз Дарвин

Хромированная надпись со сколами Ice Machine³ отражает красные и белые сполохи полицейской мигалки. Я стою перед торговыми автоматами мотеля с пластмассовым ведерком для льда в руке, погруженный в свои мысли. Откуда берется вода для этой машины? Из какого-нибудь местного ручья? Она фильтрованная? Попадает ли она в какой-нибудь внутренний резервуар, прежде чем превратиться в кубики льда?

Недавно я прочел статью про новую бактерию, найденную в глубине ледяных пещер. В процессе эволюции она перешла от фотосинтеза к хемосинтезу: буквально стала поедать камни, чтобы выжить. Она может проникать сквозь уголь, применяемый в большинстве фильтров, словно через мягкое мороженое.

Пока не было доказано, вредна ли она для людей, что заставляет меня задуматься, что, вероятно, ее можно применять для растворения камней в почках человека. Так много вопросов...

³ Ice machine – морозильник, аппарат со льдом (англ.).

Вопросы, вопросы... Я едва замечаю визг шин тормозящего за моей спиной автомобиля. Оглянувшись, я вижу бронированный фургон, и стоянка заполняется полудюжиной патрульных автомобилей, за каждым сидят на корточках с револьверами наготове и с прижатыми к плечу карабинами местные полицейские.

– Ложись! – слышится чей-то хриплый шепот.

Мужчина в черных брюках, галстуке и бронежилете прячется за передней дверцей стоящего рядом со мной «Форда Бронко». Несмотря на свой полицейский значок, он не спешит доставать оружие.

Он машет мне, чтобы я убрался.

– Возвращайтесь в вашу комнату!

Все происходит, как в замедленной съемке, но я не могу пошевелиться. Максимум, на что я способен, – это присесть на корточки у машины и выглядывать из-за заднего бампера.

Четверо в черных военных комбинезонах, со скрытыми масками лицами выпрыгивают из задних дверей фургона и бегут к комнатам мотеля напротив нас. Один из них несет толстый металлический цилиндр. Он выбивает замок, дверь распаивается. Двое с револьверами наготове врываются в номер, остальные их прикрывают.

Напряженная тишина.

– Чисто! – раздается крик изнутри.

Один из вооруженных людей выходит на улицу и рукой подает какой-то сигнал, качая головой. За ним выходят

остальные оперативники, уступая место троим помощникам шерифа, вслед за которыми в номер мотеля входит высокая женщина в куртке и ковбойской шляпе. У нее загорелое обветренное лицо с разбегающимися от глаз морщинками – это я вижу даже через всю стоянку.

Заглянув в комнату, она возвращается и осматривает машины на стоянке. Она указывает на одну из них, и помощник шерифа диктует ее номер по радиации. Все молчат, поэтому его голос разносится на всю стоянку.

Мужчина, велевший мне убратся, расслабляется и выходит из-за дверцы машины. Заметив мое отражение в боковом зеркале, он оглядывается.

– Разве я не сказал вам идти к себе?

– Я... не могу. – Я показываю на помощников шерифа у двери. – Вряд ли они меня пустят.

Ему требуется некоторое время, чтобы осознать услышанное, я тоже продолжаю обдумывать происходящее.

– Твою мать! – Он щурится. – Вы, что ли, доктор Крей?

– Да, Тео Крей. Что здесь происходит?

Его рука касается бедра, там его револьвер. Он не вынимает его, просто кладет ладонь на рукоятку.

Его голос негромок, но отчетлив.

– Доктор Крей, могу ли я для вашей же безопасности попросить вас медленно поставить ведро и поднять руки, чтобы я их видел?

Я без размышлений следую его указаниям.

– А теперь встаньте на колени.

На мне шорты, так что гравий больно впивается в кожу, но пока я не чувствую боли.

Он подходит ко мне, не убирая ладони с рукоятки револьвера.

– Я встану у вас за спиной, чтобы убедиться, что вы безоружны.

Я слежу за ним краем глаза. Он тянется свободной рукой к другому бедру.

– Могу я ради безопасности надеть на вас наручники?

– Хорошо.

У него оружие, так что я не уверен, что могу сказать «нет». Я слишком испуган, чтобы спросить, почему он считает наручники необходимыми.

Холодная сталь быстро, не причиняя боли, защелкивается на моих запястьях, после чего он спрашивает:

– Я приподниму вам рубашку, хорошо?

– Ладно, – бормочу я.

Мою спину обвеваает прохладный воздух Монтаны.

– Теперь я ощупаю карманы.

– Окей.

Он кладет руку мне на плечо, прижимая меня к земле, проводит рукой по моим карманам.

– Что там у вас?

Я в панике, в голове пустота.

– Ключ от номера. Бумажник. Телефон.

– Что еще?

Я боюсь дать неверный ответ.

– Эм... Мультитул⁴.

Я чувствую запах латекса, когда он натягивает перчатки.

– Можно вынуть все это из ваших карманов?

– Да, да... Конечно.

В кино в таких ситуациях обычно кричат, а этот человек обращается ко мне тоном врача. Он не повышает голоса, он не угрожает.

Он вынимает все из моих карманов и кладет в паре метров от меня. Близко, но мне не дотянуться.

– Вам придется немного подождать здесь, пока мы с этим разберемся.

– С чем разберетесь?

Вместо ответа он подносит пальцы ко рту и громко свистит. Женщина в ковбойской шляпе оглядывается на звук. Прищурившись, она смотрит на меня.

– Крей? – кричит она.

Мужчина кивает, я почему-то тоже киваю.

До сих пор все разворачивалось со сбивающим с толку спокойствием медосмотра. Теперь события разгоняются: все усилия и внимание, раньше сосредоточенные на моем номере в мотеле, теперь как пушечное дуло направлены на меня.

На меня смотрят десятки глаз.

⁴ Мультитул – многофункциональный компактный инструмент, объединяющий складные пассатижи и дополнительные ножи, отвертки и т. п.

Некоторые очень злые.

Меня внимательно разглядывают. Оценивают.

И я ни черта не понимаю почему.

– Что происходит? – снова спрашиваю я.

Женщина в ковбойской шляпе быстро направляется ко мне. Подойдя вплотную, она смотрит на меня сверху вниз, как на лабораторный образец. На ее поясе посверкивает лезвие кинжала.

– Он пытался сбежать? – спрашивает она, немного растягивая слова, не отрывая от меня взгляда.

– Нет, он был очень сговорчив.

– Хорошо. Доктор Крей, если вы продолжите с нами сотрудничать, то все это скоро закончится.

То, как она это произносит, ничуть не обнадеживает.

Глава 3. Образец

Я ученый. Я наблюдаю. Анализирую. Делаю предположения. Проверяю их. Может, я и умный, но в данный момент этого обо мне никак не скажешь.

В детстве, читая комиксы, я хотел быть Бэтменом – детективом Темным Рыцарем, но больше всего общего у меня было с Наблюдателем⁵ – лысым типом в тоге, возникшим в марвеловских комиксах только для того, чтобы... наблюдать.

Вот и сейчас я наблюдаю за собственной жизнью, как за растущей и спадающей цифровой последовательностью на экране моего компьютера при поиске корреляции.

Детектив Гленн, тот, что был у мотеля, сидит напротив. Мы просто разговариваем. Мы оба избегаем очевидных вопросов вроде того, зачем у меня на руках пластиковые пакеты.

По-моему, технически я не арестован. Насколько понимаю, я сам на все это согласился – не сразу, но постепенно. Кажется, это они и подразумевают, когда говорят, что кого-то задержали, чтобы задать вопросы. Наручники сняли, как только Гленн усадил меня за стол, но пакеты по-прежнему прилеплены скотчем к моим запястьям. Я чувствую себя

⁵ Наблюдатели (Watchers) – раса инопланетян, появляющихся в комиксах издательства Marvel Comics.

испытываемым.

Гленн так спокоен, и это обезоруживает, так что я то и дело забываю, как я тут оказался: меня привезли в наручниках на заднем сиденье полицейского автомобиля, на мушке пистолета и под злыми взглядами, которым у меня не было никакого объяснения.

Я наблюдаю за Гленном, он за мной, при этом мы вежливо разговариваем о погоде в Монтане и зимах в Техасе. У него поредевшие светлые волосы и внимательные серые глаза на обветренном лице игрока в бейсбол, угадывающего следующий бросок соперника. Несмотря на шотландскую фамилию, внешне он больше похож на голландца.

Я еще раз пытаюсь узнать, в чем дело, и слышу в ответ всего лишь: «До этого мы еще дойдем. Сначала надо кое-что прояснить».

Я предлагаю прояснить все, что смогу, прямо сейчас, но он отказывается, не проявляя интереса к моим показаниям. Хотя если вспомнить о двух дюжинах стражей порядка, нагрянувших ко мне в мотель, и о том, в каком положении сейчас мои руки и ноги, то есть подозрение, что я им все-таки интересен.

В дверь стучится брюнетка в лабораторном халате. Гленн жестом приглашает ее войти.

Она ставит на стол ящик с инструментами, надевает маску, закрывающую нос и рот.

– Работает? – спрашивает она, указывая на видеокамеру

в углу, на которую я не обратил внимания.

Гленн утвердительно кивает.

– Хорошо.

Она поворачивается ко мне и снимает с моих рук пакеты. По всему пакеты были нужны, чтобы сохранить какие-то улики у меня на ладонях. Но какие?

– Мистер Крей, сейчас я возьму образцы. – Она обращается ко мне громко, полагаю, чтоб было лучше слышно на записи.

Она разглядывает мои ногти, показывает их Гленну, тот наклоняется и присматривается.

– Вы очень коротко стрижете ногти. Зачем?

– Хитридиомикоз, – объясняю я.

– Хитро... – Он даже не пытается это правильно произнести. – Это что, болезнь?

– Да. Грибковое заболевание.

Лаборантка роняет мою руку:

– Это заразно?

– Да, – отвечаю я, удивленный ее реакцией. – Если вы земноводное. У меня этой заразы нет. Но я посвящаю много времени изучению лягушек в различной среде. Вот и приходится осторожничать, чтобы не стать переносчиком.

Гленн делает запись в блокноте.

– Вот, значит, для чего вы купили три дня назад новые ботинки?

Я не спрашиваю, откуда это ему известно.

– Да. Все, что не подлежит стерилизации, я уничтожаю и заменяю на новое. Может быть, я перебарщиваю с осторожностью, но некоторые считают, что сокращение численности амфибий связано с тем, что ученые ненамеренно распространяют поражающие их заболевания.

– Вы много путешествуете? – спрашивает Гленн.

– Постоянно. – Не слишком ли много я говорю...

– Изучаете лягушек?

– Иногда... – Я не уверен, стоит ли вдаваться в подробности. Пока что он не проявляет явного интереса, но вдруг это способ развязать мне язык.

Гленн достает из портфеля папку и листает бумаги. Как я ни стараюсь изображать безразличие, содержание некоторых бумаг мне понятно. Это сведения обо мне, найденные в Интернете: данные об образовании и научной работе, статьи, интервью.

Лаборантка при помощи ватной палочки, забирается мне под ногти, она работает очень аккуратно. Я удивлен, что она не знает, что такое хитридиомикоз, хотя, если подумать, она и не должна – она технический сотрудник, пусть и в одежде ученого, ее задача – сбор образцов для судебно-медицинской экспертизы, а не их изучение.

Просмотрев несколько страниц, Гленн озадаченно поднимает на меня глаза.

– Биоинформатика? Вы биолог?

– Не совсем. Это дисциплина на границе между инфор-

матикой и биологией.

Как ни старается Гленн прикинуться невеждой, я вижу, что он умен и внимательно слушает, и то, что я говорю, и то, о чем умалчиваю. Так как я не знаю, к чему весь этот разговор, то отвечаю максимально честно.

– Мы применяем вычислительные методы в биологии. Главным образом в генетике. Например, ДНК – до того сложная штука, что ее не понять без компьютеров.

Он кивает.

– Значит, вы, скорее, генетик?

– Нет. Время от времени я занимаюсь ДНК, но это не моя специальность. В настоящее время я работаю в области фенотипической пластичности.

Он косится на лаборантку, та качает головой, тогда он приподнимает бровь.

– Рискну предположить, что к пластику это не имеет отношения.

– Не совсем. – Я вспоминаю свой способ объяснить, чем я занимаюсь, который использую на вечеринках, и лишний раз вспоминаю, что ненавижу разговаривать о работе не с учеными. – Вы занимались спортом в школе?

– Футболом.

– Это привело к набору веса?

– Думаю, килограмм десять мышц все еще со мной. – Он смущенно улыбается лаборантке.

Подозреваю, что когда они не допрашивают подозреваем-

мых и не ищут у тех под ногтями улики, то превращаются в обыкновенных коллег со своим профессиональным юмором.

– Такое наращивание мускулов под силу млекопитающим, но не рептилиям, – продолжаю я. – Мы способны резко изменять свою мышечную массу. Когда доминантный самец гориллы получает больше корма, у него повышается тестостерон и растут мышцы и статус в группе... – Я спохватываюсь: – Не хочется вас утомлять.

Гленн мотает головой.

– Что вы, профессор, прошу, продолжайте. Это очень увлекательно.

– Так вот, фенотип – это, в сущности, определяющий нас код ДНК. Пластичность – это его изменчивость. Например, китайские дети вырастают гораздо выше своих родителей, но при этом их ДНК не меняется – в ней уже есть встроенный код, позволяющий адаптироваться к увеличению содержания белка в пище, размера матки и так далее. Или другой пример – ожирение. Мы эволюционировали в среде с ограниченным количеством калорий, поэтому теперь, если не быть настороже, масса нашего тела может утроиться. Вот вам обратная сторона фенотипической пластичности.

– Выходит, вы ищите здесь животных, способных изменять свое телосложение?

– Да. В основном меня занимают «экс-фибии».

Я ухмыльнулся, сотню раз повторял студентам эту шутку про «бывших», всегда вызывая у них нужную реакцию

– недоумение и интерес. Но эти двое смотрят на меня непонимающе.

– Это еще кто? – спрашивает Гленн.

– «Экс-фибии», или, если быть точным, головастики, – спешу я с разъяснением. – Особенно любопытны головастики древесной лягушки. Если в пруду их разводится слишком много, с некоторыми начинают происходить перемены: увеличиваются челюсти и хвост, и из травоядных существ они превращаются в плотоядных каннибалов – маленьких пираний, пожирающих других головастиков. При последующем снижении численности их челюсти и хвосты опять уменьшаются, и они снова становятся прежними счастливыми головастиками, ждущими превращения в лягушек.

Гленну требуется время, чтобы осознать услышанное.

– Интересно. Я понял, экс-лягушки. Их вы и ищете?

– Не совсем. Я изучаю создающую их среду. Не думаю, что это поведение свойственно только головастикам. Оно возможно и на уровне микроорганизмов, и в масштабе человека.

Гленн приподнимает бровь.

– Человека?

– Да. Пример этого, когда в утробе матери один плод забирает питательные вещества у другого, что ведет к разному весу при рождении. Или в случае с «исчезнувшим близнецом»: чуть ли не каждая десятая беременность – это близнецы, но один плод часто поглощает другой. Кто в этом пови-

нен – мать? Или злой близнец? Который, получается, всегда побеждает.

В замкнутой среде, вроде пруда, один организм начинает спонтанно контролировать популяцию, после чего возвращается к нормальному размеру. При достижении популяцией определенного размера появляются сверххищники – доминантные звери на вершине пищевой цепочки: хоть крысы-каннибалы, хоть пауки или даже компьютерные программы.

– Овца, оборачивающаяся волком? – спрашивает Гленн. Я недолго размышляю.

– Возможно. Хотя у одомашненных животных такое поведение заметить сложнее. Уж слишком они одинаковые в результате целенаправленного отбора. Но у одичавших домашних животных, например у свиней, наблюдается рост разнообразия. То же бывает и в стаях бродячих собак.

– Да, все это крайне любопытно, доктор Крей. – Он оборачивается к лаборантке. – Кэрлайн, вы получили все, что нужно?

– Секунду. – Она проводит по моему большому пальцу ватной палочкой и прячет ее в пластиковый пакетик с надписью «правый большой». – Готово.

Она складывает все собранные образцы в пакет, заклеивает его, показывает в объектив камеры и уходит.

Я смотрю на камеру, следящую за мной, какой «Наблюдатель» сидит сейчас с той стороны?

Гленн встает.

– Доктор Крей, если у вас есть немного времени, то мне хотелось бы услышать ваше профессиональное мнение по одному вопросу. Сейчас мы постараемся раздобыть для вас обувь.

Я, конечно, рад, что с рук у меня сняли наручники и пластиковые пакеты, но озабочен тем, как детектив Гленн наострил уши, услышав от меня одно словечко.

ХИЩНИКИ.

Глава 4. Свидетельства против себя

Детектив Гленн по-прежнему любезен и ведет меня по коридору, как гостя.

– Я ценю вашу готовность к сотрудничеству, доктор Крей.

Мы проходим через офисы, и я чувствую на себе взгляды сидящих за столами: они рассматривают меня с острым любопытством.

Понятно, я подозреваемый, или «персона, представляющая интерес», как говорят в новостях. Но никто не объясняет, что происходит.

Наверно, стоило бы волноваться, но, как ни странно, от такой неясности мне почему-то легче. Это совсем не похоже на ожидание результатов скрининга на агрессивную форму рака. Не знать ставки – в этом есть что-то нереальное, словно сон.

Гленн отпирает дверь в комнату, заставленную шкафами с папками. Посередине большой стол.

– Присаживайтесь, доктор Крей.

– Зовите меня Тео, – говорю я, садясь. Обычно я прошу об этом раньше, но тут я был немного занят другим. – «Докторами» пусть остаются врачи.

Я сдерживаю свою привычную обличительную речь в ад-

рес чертовых любителей прибавить «доктор» к своей фамилии, с которыми мне доводится сталкиваться: они завалили бы экзамен по биологии за пятый класс, настаивая при этом, чтобы к ним обращались с тем же почтением, что и к главе отделения онкологии в исследовательской больнице.

– Просто Тео? – Детектив Гленн у меня за спиной роется на полках, перебирая папки. – Разве вы не гений или типа того?

– Вы про премию? «Грант гениев» – это «МакАртур», а я выиграл Brilliance⁶. Это разные вещи. Ужасное название, я старюсь не упоминать его лишней раз.

Гленн кладет папки на стол и садится напротив меня.

– Да бросьте. Очевидно же, что вы все-таки гений. Признайтесь, вы по-настоящему умный парень.

Он пытается играть на моем самолюбии. Но к чему все это?

– Не достаточно умный, чтобы понять, почему я здесь.

Он машет рукой.

– Процедура чепуха. Скоро закончим.

Что может означать, что на меня снова наденут наручники.

– Вот вы биолог, простите, биоинформатик... Как, кстати, вы сами себя называете?

– На разных конференциях по-разному. Чаще всего – «специалист в области вычислительной биологии».

⁶ Блеск, великолепие (англ.).

– Хорошо. Хочу показать вам кое-какие фотографии
– они из нескольких дел. Мне интересно, что вы почувствуете.

– Почувствую? Я же не экстрасенс.

– Простите, я неверно выразился. Просто любопытно взглянуть на вещи вашими глазами. Сделайте одолжение.

Меня подмывает напомнить ему, что я уже пару часов только и делаю, что одолжения. Но я молчу. Конфронтация – не мой путь.

Он протягивает мне папку с мятыми краями и выцветшей наклейкой. Открыв ее, я упираюсь взглядом в фотографию размозженной человеческой головы. Один глаз бедняги смотрит в камеру, часть лица отсутствует. Брызги крови на кафеле вокруг. Я захлопываю папку и отодвигаю от себя.

– Предупреждать же надо...

– В смысле?.. – Гленн берет папку и заглядывает в нее. – Господи! Не то, прошу прощения. Я хотел показать вам вот это. – Он отправляет мне через стол другую папку. – Что вы об этом думаете?

Фотография коровы с кровавыми царапинами на шее и со вспоротым брюхом.

– Вам нужно мое профессиональное мнение?

– Да.

– Это мертвая корова.

– Да. Но в чем причина смерти?

– Это проверка?

– Нет. Это здешняя загадка, которая уже превратилась в байку. Владелец ранчо считает, что виновата чупакабра, есть и сторонники версии об инопланетянах. Брюхо, похоже, разодрали койоты. А вот отметины на шее – загадка.

– Серьезно? – Я внимательно разглядываю раны.

– Серьезнее не бывает.

Я рассматриваю повреждения и пытаюсь припомнить все, что знаю о коровах, – немного, но достаточно, чтобы сообщить, что произошло. Я отодвигаю от себя фотографию. Может, это все-таки проверка?

– Что вы предпочитаете – сразу ответ или путь к ответу?

– Путь?..

– Да. Ход моих размышлений.

Гленн ухмыляется.

– Ладно, профессор, укажите мне путь.

– Я уже говорил, что занимаюсь системами. ДНК – система. Клетка, тело, пруд, планета – все это системы. Все мы функционируем в различных системах. Ну и что за система у нас здесь? – Я подвигаю к нему фотографию.

– Укусы койотов указывают на то, что корова стала элементом пищевой цепочки.

– Конечно. А еще? Какая еще система? – Я указываю на царапины на шее. – Откуда они взялись? То же самое было у других животных?

– Да, и...

– Могу предположить, что у овец, – перебиваю я его. – У

свиней и у лошадей – нет. Правильно?

– Правильно.

– Раз так, ответ напрашивается сам собой.

– Сам собой?.. Какой же?

– Койоты.

– Но царапины?

– Все названные мной животные принадлежат к одной системе. Как она называется?

– Ферма, – отвечает Гленн.

– А точнее?

– Ранчо?

– Да. А что превращает ранчо в ранчо?

До него наконец доходит.

– Как правило, забор.

– Ограждение из колючей проволоки, которое служит границей системы. И это как раз для коров и овец. Для лошадей – низковато, а свиньи могут сделать подкоп. Так что жертвами становятся только те животные, которых останавливает колючая проволока: овцы и коровы.

– Значит, они застревают из-за проволоки, а потом до них добираются койоты?

– Возможно. Не исключено, что койоты научились загонять их в сторону забора. Корова ранится о колючую проволоку, но не застревает, а бежит, пока не истечет кровью. И может оказаться на приличном расстоянии от того места, где она зацепилась за изгородь.

– Впечатляет. Так что для меня вы все-таки гений. – Эта его похвала явно неспроста. Он похлопывает по стопке папок. – Здесь случайные дела. Мне бы хотелось, чтобы вы их просмотрели, и, может, у вас возникнут какие-то «научные» соображения.

Он пододвигает мне папки, но я к ним не прикасаюсь.

– Я здесь для этого?

– Сделайте мне одолжение, профессор. Поверьте, с остальными здесь не так приятно иметь дело, как со мной.

Я решил, что мне совершенно не хочется выяснять, что он имеет в виду. Насколько я понимаю, обвинить меня не в чем, а потому можно ему уступить – несколько сделанных мной выводов не должны стать проблемой. Я на все готов, лишь бы скорее отсюда убраться.

Передо мной две дюжины фотографий трупов, кровавых отпечатков ладоней и каких-то случайных предметов. На них как минимум три разных человека: пожилая женщина, выглядящая так, словно ее избили до смерти; мужчина с порезами и колотыми ранами, окровавленная молодая женщина, чье лицо нельзя различить ни на одном снимке.

Стопка фотографий окровавленной одежды, сотовых телефонов, денег, каких-то пней; некоторые вещи чистые.

Глядя на все это, я погружаюсь в свои мысли. Детектив Гленн теперь за миллион километров от меня, как и камера в углу комнаты, которая конечно же следит за мной. Как и Наблюдатель, наверное.

Я раскладываю снимки на четыре стопки и перебираю один за другим. Я вижу укусы насекомых, сыпь от ядовитого плюща, ладонь, лежащую на нераскрывшейся сосновой шишке. Я понятия не имею, что со всем этим делать. С коровой было просто – всего-то одно фото.

Через некоторое время я поднимаю глаза на Гленна в ожидании подсказки и замечаю, что с его лица сошла вежливая улыбка.

Его взгляд прикован к одной из стопок. На секунду он смотрит в камеру, потом поворачивается ко мне – снова невозмутим, как прежде.

– Доктор... Тео, почему вы переложили эти фотографии сюда?

У меня сводит живот. Что-то произошло, так что теперь я выгляжу подозрительно.

Я раскладываю фотографии и спешу с объяснениями:

– Это похоже на снимки одной жертвы с разных ракурсов.

Гленн вытаскивает из стопки фотографию с шишкой в крови и с кошельком на пне.

– Здесь нет людей, тем не менее эти снимки попали у вас в эту же подборку. Почему?

– А! – Я еще раз перебираю фотографии. – Я не обратил на них особого внимания. Скорее всего, случайный выбор.

– Здесь двадцать с лишним фотографий. Вы отобрали шесть, относящихся к одному и тому же делу. Какова вероятность, что это случайность?

– Высока. Согласен, выбор был не такой уж произвольный... – Я пытаюсь разобраться в собственной логике.

– Да, похоже, что не такой уж...

Я указываю на цифры на оборотной стороне фотографий.

– Насколько я понимаю, это нумерация дела, она везде совпадает. Похоже, какая-то кодировка для записи даты.

Гленн берет фотографии и разглядывает цифры.

– Их здесь быть не должно. – Он раздраженно смотрит в камеру. – Значит, вы ориентировались на эти цифры? Потому и сложили эти фотографии в одну стопку?.. – Он пожимает плечами и поднимает руки в знак беспомощности. – Вроде бы логично.

Лучше бы мне держать язык за зубами. Но я не могу. Мое стремление к логическим объяснениям иррациональное и навязчивое – и опасное.

– Нет. Я выбрал их не поэтому.

Гленн напрягается, это чувствуется физически, но самообладание по-прежнему при нем. Я слышу заданный все тем же спокойным голосом вопрос:

– Тогда откуда вы знаете, что все они с одного места преступления?

Глава 5. Озарение

Уверен, детектив Гленн потратил не один час, тренируясь оставаться спокойным и собранным в экстремальных ситуациях. Подозреваю, что в происходившем до сих пор не было ничего случайного. «Случайно» попавшая мне на глаза фотография с разmozженной головой предназначалась для проверки моей реакции.

Но его самообладание дало слабину, когда я у него на глазах выбирал фотографии. Это застало его врасплох. Думаю, до этого момента он всего лишь проверял свои подозрения. Отсутствие агрессии было его преимуществом – насторожись я, то раньше бы понял, что происходит.

То, что я несколько часов не видел шерифа – женщину со стоянки, – тоже не случайно. На ее лице читается все, что она думает. Гленн работает намного тоньше. Подозреваю, это она приказала спецназу высадить мою дверь, тогда как подход Гленна полон нюансов. Это его заслуга, что я охотно забрался в его машину, будто испуганная заблудшая овечка.

– Почему вы выбрали эти фотографии? – опять спрашивает он.

Я снова смотрю на них.

– Как-то подсознательно.

Его тон снова смягчился.

– Вы ничего не хотите мне рассказать, Тео?

– Пожалуй, хочу. С ботаникой я не дружу и вечно забываю названия растений. – Я показываю на маленький колючий сорняк. – Это не чертополох, но что-то родственное. – Я указываю на сорняки на других снимках. – Это растение встречается только на фотографиях, которые я отложил. Получается, их сделали в одно и то же время года.

Он берет одну фотографию и удивленно смотрит на нее.

– Сорняки?..

– Они самые. – Я указываю на остальные снимки. – Другие я тоже рассортировал по определенным соображениям. – Я беру в руки снимки со старухой и те, которые считаю родственными им. – Здесь искажает линза фотоаппарата – это видно в углу, где прямые линии. – Я перехожу к следующей стопке. – А это отсканированная фотопленка. Наверное, их сделали в девяностых.

– Наверное, – повторяет за мной Гленн, слегка покачивая головой.

В дверь стучат, и кто-то просит Гленна выйти в коридор.

– Прошу прощения, – говорит он и скрывается за дверью.

Я слышу разговор, но слов не разобрать. Меня гложет любопытство, но я стараюсь не показывать интереса, ведь на меня по-прежнему нацелена камера.

Детектив Гленн возвращается, он, кажется, расслабился.

– Можно дать вам совет, доктор Крей?

– Уверен, что он мне пригодится.

– Если снова окажетесь когда-нибудь в ситуации, вроде

этой – не дай бог, конечно, – то держите язык за зубами, пока не поговорите с адвокатом. – Он постукивает пальцем по стопке фотографий. – Это жутковато. И можно даже сказать – подозрительно.

– Я просто был честен.

– Я заметил. Честность себе же в ущерб. Кстати, мне любопытно, почему вы замешкались с фотографией с разбитой головой.

– Значит, все-таки не случайность?

– Ну да. – Он кивает. – Я хотел посмотреть, будет ли у вас нормальная реакция – отвращение или же что-то еще.

– А я, значит, «замешкался»?

– Ага, так же реагируют полицейские и врачи.

– Я работал на скорой.

Гленн приподнял бровь.

– Неужели?

– Да. Но дело даже не в этом. Я рассматривал подтек крови на белом шве между плитками кафеля. Это заставило меня подумать о кости.

Гленн прищуривается.

– О кости? До чего вы странный! Не знаю, понимаете ли вы сами, до какой степени это все странно. – Он машет в сторону фотографий. – Хотите знать, что меня больше всего заинтересовало?

– Очень хочу.

– Вы ни слова не упомянули о самих телах. Вы заметили

все, кроме них.

Даже я сам должен признать, что это немного необычно.

– Наверное, это потому, что люди не моя область интереса и профессионализма...

Гленн усмехается.

– Я это заметил.

– Так... я могу идти?

– Вы могли уйти в любой момент. Технически мы вас и не арестовывали.

Я с подозрением кошусь на дверь.

– Когда вы говорите, что я свободен, – говорю я, – значит ли это совсем свободен? Или вы все равно будете следить за мной из-за... даже не знаю пока из-за чего.

– Вы свободны. Вы не тот, кто нам нужен.

– Не тот, кто вам нужен? Может, хоть теперь объясните, что происходит?

– Конечно, профессор. В какой-то момент вы были нашим основным подозреваемым в деле об убийстве. Окружной прокурор уже прикидывал, какой галстук ему надеть на вашу смертную казнь. – Он смотрит в камеру и начинает. – Они здесь все немного становятся нервными, когда дело доходит до таких вещей. Хотели поскорее до вас добраться, чтобы получить свидетельства вашей виновности.

Я чуть не онемел.

– Меня? Моей? Почему я? – Ответом должны были послужить фотографии, но иногда я настолько отключаюсь, что

не могу сложить дважды два.

– Вы шутите? О таком подозреваемом, как вы, можно только мечтать. Равнодушный ко всему гениальный ученый, который к тому же разглагольствует об альфа-хищниках. Это даже слишком хорошо.

Когда до меня доходит смысл услышанного, меня кидает в жар. Гленн как будто полностью расслаблен, но, боюсь, это все еще игра.

Он замечает мое состояние.

– Я серьезно. – Он указывает на дверь. – Вы можете идти прямо сейчас.

Я смотрю на дверь, почти ожидая увидеть там вооруженную охрану, готовую меня схватить.

– Если это игра, то я не знаю, как мне поступить. Не понимаю, каких слов вы от меня ждете.

– Простите, доктор Крей. Это, конечно, оказалось то еще приключение.

Я пытаюсь посмотреть на самого себя со стороны. Работая на скорой я постоянно наблюдал людей в состоянии шока. Вот что я сейчас чувствую.

Мой взгляд падает на верхний снимок. На нем нежная, изящная женская ладонь, с кончиков пальцев стекают капли крови. Грязь на ладони перемешалась с кровью несчастной жертвы.

Я раскладываю по столу остальные фотографии и снова разглядываю их одну за другой.

Детектив Гленн сказал, что я заметил на них все, кроме людей.

Теперь я вижу.

Фотографии ее лица нет.

Теперь все приобретает смысл. Я знаю, почему я здесь.

Мне на плечи наваливается невыносимая тяжесть. После длительной паузы я снова встречаюсь взглядом с Гленном. Он напряженно за мной наблюдает.

Я собираюсь с силами и говорю то, чего совсем не хочу говорить:

– Я ее знаю...

Глава 6. Полевые исследования

Детектив Гленн называет имя, наблюдая за мной:

– Джунипер Парсонс.

Я никак не реагирую – и это тоже, как я подозреваю, вполне себе реакция. Я очень боялся, что он назовет кого-то из моих близких – а их не так уж много. Рука на фотографии могла принадлежать одной из немногих женщин, с кем мне довелось работать, или дочери кого-то из знакомых.

Единственная женщина, с которой я недавно имел дело – хотя это громко сказано, – Эллисон. Ее руку я, наверное, узнал бы сразу. Долгими ночами я ласкал ее запястья и переплетал ее пальцы со своими; мы болтали обо всем на свете – от дорожных комедий старины Боба Хоупа до запаха пустыни Гоби.

Если бы на фотографиях была она, мой организм наверняка выдал бы какую-нибудь примитивную физиологическую реакцию: расширение кровеносных сосудов, кожный зуд, спазм в животе.

Я чувствую мимолетное облегчение от того, что не узнаю произнесенного имени. Мимолетное, потому что более высокая эмоция – за которую отвечает социальная часть нашего мозга, основываясь на внутреннем, а не внешнем опыте, – говорит мне, что я должен чувствовать себя виноватым. Как наказанный пес, прячущийся в углу не потому, что зна-

ет, что нельзя воровать еду со стола, а потому что сделал что-то неуместное, чего сам не понимает.

Отсутствие у меня реакции не проходит мимо внимания детектива Гленна. Это, конечно, свидетельствует в пользу моей невиновности, но при этом он наверняка лишний раз убедился, что я более отдален от окружающих меня людей, чем это обычно бывает. Теперь я – карикатура на равнодушного ко всему ученого.

С именами у меня беда. Я снова и снова прокручиваю в голове имя «Джунипер». Может, он имел в виду Джун?

Джун не назвать ярким воспоминанием. Она была моей студенткой, в то время когда я шесть лет назад начал преподавать полную рабочую неделю. По возрасту я был не намного старше большинства своих студентов, и мне было нелегко совмещать желание выглядеть профессионалом с потребностью быть принятым своими сверстниками.

Она специализировалась на зоологии и подумывала переключиться на этологию, чтобы изучать животных в среде их обитания. Я учил студентов своему комплексному подходу к пониманию систем. Забудьте привычные имена и условности: придумайте свои собственные. Не всякое животное, обозначенное неким названием, ведет себя привычным образом, если попадает в изменившуюся экосистему. Инуит, живущий охотой на китов, превосходящих массой всех, кого он встречал за всю жизнь, ведет совершенно иной образ жизни, нежели веган из Сан-Франциско, не берущий в рот

ничего с жизненным циклом, протекающим вне глубин почвы.

Несколько раз мы разговаривали после занятий. Кажется, я пару раз ходил с ней и другими студентами поесть пиццы. Она не работала у меня в лаборатории, и, насколько я помню, мы никогда не переписывались и не разговаривали по телефону.

– Что с ней случилось?

– Вы ее помните?

– Кажется, да. Она называла себя Джун. Наверное, считала, что Джунипер – это слишком.

– Три дня назад нам позвонила ее мать. Джунипер приехала сюда для каких-то исследований и не выходила на связь. Мы послали патрульного к ней в мотель. Она давно там не показывалась. Все вещи на месте. Не было только машины, но мы нашли ее в автомастерской, ей меняли коробку передач.

Сегодня утром двое туристов наткнулись на тело. Из категории «поиск пропавшего» дело переквалифицировано в «расследование вероятного убийства». Первое, что мы делаем в подобных ситуациях, – определяем круг людей, знавших жертву. Так всплыло ваше имя.

Подробностей Гленн не рассказывает, оставляя свои полицейские секреты при себе и ожидая, чтобы я что-то ответил.

И как мне себя вести: возмущаться или лучше молчать?

Немного подождав, он продолжает:

– Двое ученых, знакомые друг с другом, проводившие исследования в одной области...

Думаю, теперь надо ответить.

– Я понятия не имел, что она здесь. Мы с Джунипер не общались много лет.

Гленн уклончиво пожимает плечами.

– В ее айпад была загружена ваша книга. И некоторые из ваших статей. И это снова привело нас к вам. Знаю, это слишком похоже на телесериал «Закон и порядок», но реальная жизнь иногда складывается именно так.

– Но теперь вы знаете, что я этого не делал? – Я хочу, чтобы это звучало как утверждение, но получается вопрос, причем отчаянный.

– Думаю, у нас есть основания исключить вас из числа подозреваемых. Если это вас успокоит, скажу, что мы допросили также механика из автосервиса, а местная полиция занималась ее бывшим дружкой. Вы были не единственным подозреваемым, просто самым интересным.

– Что же изменилось за последний час? – Я боюсь задавать слишком много вопросов. Пока что обвиняющий перст от меня отведен, но очень быстро может вернуться.

– Наш судмедэксперт смог произвести более тщательное обследование. Я бы сказал, что мы можем уверенно снять с вас подозрение.

Фотография с повисшей в отчаянии изящной рукой при-

тягивает мой взгляд.

– Хорошо. Но кто же сделал с ней это?

– Не кто, мистер Крей. Что.

Глава 7. Острова

– Как вы, без сомнения, заметили, повреждения весьма тяжкие, – начинает детектив Гленн. – Сначала мы решили, что это было нападение с применением холодного оружия. Одна рука почти отделена от тела, голова тоже. Кровавые отпечатки ладоней и ног тянулись почти на сто метров. На нее нападали и отпускали, возможно, неоднократно. Потом затащили под упавшее дерево. Это произошло примерно в полутора километрах от федеральной трассы. Не сказать, что там уже чаща леса. Но такое может произойти где угодно. Как видите, мы стараемся раздобыть как можно больше доказательств и улик по свежим следам.

– Такое что? – Я стараюсь не смотреть на фотографии.

– Нападение медведя. Сначала мы сомневались. – Он умолкает, но ненадолго. – Таких случаев происходит несколько за год, и в среднем один смертельный. – Он тычет в меня пальцем. – Половина пострадавших – ученые. На втором месте, с совсем небольшим отставанием, – непризнанные эксперты по медведям гризли. Судя по всему, Джунипер оказалась в неудачном месте в неудачное время. Мы нашли частичный отпечаток лапы, в некоторых ранах нечто похожее на медвежью шерсть. Специалист из Службы охраны рыбных ресурсов и диких животных подтвердил, что раны соответствуют следам нападения медведя.

– Медведь... – Я обдумываю услышанное. Когда работаешь в Монтане и в Вайоминге, всегда есть опасность такой встречи. Я никогда не суюсь на медвежью территорию без специального отпугивающего баллончика в рюкзаке. Таких встреч у меня были сотни, гризли тоже попадались. Я обходил их стороной, и они всегда отвечали мне тем же.

Я никогда не работал с Джунипер в поле и не имею представления о степени ее подготовленности. Но глупой она мне никогда не казалась. К тому же медведи нападают на людей крайне редко. Это удивительно, если учитывать, как близко мы к ним подходим, когда забираемся в лес. Поставьте на ночь камеру рядом со своей стоянкой в лесу – и вы удивитесь, а может, и испугаетесь тому, как много зверей бродит вокруг, пока вы спите. Голодный медведь может рыскать совсем рядом с шоссе, по которому бесшумно проносятся «Теслы», управляемые автопилотом, а дети в кемперах смотрят на больших экранах «Звездные войны», пока в микроволновках готовится попкорн. Природа никуда не девается, даже если вы ее не замечаете.

– Два дня назад позвонил один турист и сообщил, что слышал женский крик неподалеку от места, где мы в итоге нашли Джунипер. По его словам, они с друзьями осмотрели лес вокруг, но никого не нашли. – Гленн вздыхает: – И это неудивительно. Я сам однажды стоял на бампере «Кадиллака», заваленном ветками и землей, и искал именно эту машину. Помню, мне тогда здорово влетело.

Я сосредоточенно слушаю, но все-таки решаю уточнить:

– У вас есть догадки, почему она могла здесь оказаться?

Надеюсь, не в поисках медведей?

Гленн листает свой блокнот.

– «Ограниченные биогеографические аналоги» что-то объясняют?

– Острова, – отвечаю я. – Она искала острова.

– Острова? Здесь?

– Это я их так называю. Речь об изолированных экосистемах, разделенных внешним фактором: острова разделяются океаном, в пустыне разбросаны оазисы, даже в густых джунглях можно найти пещеры, где есть изолированная жизнь.

Помните, я говорил о животных, свойственных для разных секторов экосистемы? О головоастиках, превращающихся в альфа-хищников? Может быть, Джунипер искала замкнутые экосистемы, более самодостаточные, чем это кажется снаружи. Их можно найти в самых неожиданных местах. В пещерах, как я уже говорил, или на склонах скал. Это так же может быть антропогенная среда – вроде круизного лайнера или крыши дома. Степень изолированности, конечно, разная. Но чем дальше они находятся, тем больше вероятность того, что несколько видов возьмут на себя все роли, которые вы видите в более крупной системе, – я осознаю, что снова скатываюсь в занудную лекцию.

– Продолжайте.

– Ну, с точки зрения биоинформатики важно не огра-

ничиваться традиционной классификацией и систематикой, тогда становится по-настоящему интересно. Социологи, например, усматривают эмерджентные⁷ структуры всюду, от тюрем до компьютеров, играющих в покер.

Я вижу связь между исследованием Джунипер и тем, чему я учил ее, поэтому чувствую вину.

– Я внушал своим студентам, что компьютерные модели при всей их информативности могут рассказать нам только о внешних признаках. А ученые должны сравнивать и противопоставлять, выходить за пределы, исследовать неизведанное...

Внимание детектива Гленна привлекают мои руки. Волнуясь, я начинаю сжимать и разжимать кулаки, переплетать пальцы. Сейчас костяшки побелели от напряжения.

– Вы в порядке, доктор Крей?

Я мотаю головой.

– Нет... Я только что вспомнил один разговор с Джун... с Джунипер. Она просила у меня совета.

Сейчас я вспомнил: мы с группой студентов сидели в пиццерии рядом с кампусом, Джун присела рядом со мной. У нее были яркие карие глаза. Она откинула назад волосы и слегка улыбнулась мне: «Итак, профессор Тео, что бы вы посоветовали начинающему ученому?» Джун поставила руку на скамейку, а я немного отодвинулся, чтобы дать ей место,

⁷ Эмерджентность (от англ. emergent – неожиданно появляющийся) – наличие у какой-либо системы особых свойств, не присущих ее элементам по отдельности.

она снова улыбнулась. Помнится, я очень боялся прослыть развратным профессором, набрасывающимся на молоденьких студенток, как голодный волк, а потом изображающим удивление, когда ему говорят, что его поведение зашло гораздо дальше обычной вежливости.

Так что ее попытки произвести на меня впечатление были напрасными. Возможно, она пыталась со мной флиртовать по примеру однокурсниц, умеющих обратить на себя внимание мужчин, сначала бывших к ним безразличными. Точно сказать не могу. Но ее вопрос я услышал и решил ответить со всей искренностью. Она немного отодвинулась от меня, уперлась локтями в стол, положила подбородок на руки и стала слушать. Я думал, что она посмеивается над моим серьезным и подробным ответом, но сейчас понимаю, что она спрашивала не ради флирта и каждое мое слово воспринимала серьезно.

Те слова – мои слова – убили ее.

Глава 8. Неизвестные земли

Ученые, от Плиния Старшего, погибшего в Помпеях при извержении Везувия, до наших современников, доказывают, что занимаются опасным делом: те, кто пытался побороть эпидемии, гибли при поисках возбудителей, астронавты погибали при возвращении в плотные слои атмосферы, исследователи океанов не поднимались с глубин.

Даже лаборатория может оказаться опасной. Мадам Кюри была убита частицами, которые пыталась понять и объяснить. Охотники за вирусами в сверхопасных лабораторных корпусах, где очищается каждая молекула воздуха, гибли из-за крохотного прокола в перчатке.

Порой причина кроется в небрежности. Бывает и так, что мы не понимаем природу того, что пытаемся изучить. Или это может быть просто невезение – когда оказываешься в неправильном месте в неправильное время.

Советую своим студентам выходить из лабораторий, заглядывать под лежащие камни, совать нос в незамеченные другими места, я, возможно, считаю само собой разумеющимся, что они будут проявлять осторожность. Но, может быть, я просто недооценил, какие опасности могут им встретиться.

Я провел большую часть своей юности в лесу, но теперь, в очках и с растрепанными волосами, в глазах студентов я наверняка не сильно отличаюсь от страдающего агорафобией

профессора английского языка или двуногих лабораторных крыс, видящих дневной свет только по пути в столовую.

Я сам не мастер выживания в дикой природе, и мой лимит времени на открытом воздухе четко ограничивается запасом воды и энергетических батончиков в рюкзаке. Во многих ситуациях мое понимание дикого леса, скорее, абстрактное и теоретическое, нежели практическое.

Тем не менее кое-чему меня научил отчим, а здравомыслие вколотили инструкторы по подготовке офицеров резерва, резонно сочтя мое интеллектуальное любопытство свойством, не совместимым с выживанием на поле боя.

И недооценивая, как мало я знаю, я, возможно, стал причиной того, что произошло с Джунипер.

Детектив Гленн отвечает на телефонный звонок, а я сижу и смотрю на вытянутую руку бедной девушки.

Ее пальцы навсегда сжались в агонии, когда организм перестал вырабатывать коферменты, препятствующие затвердению мышц, которое мы называем трупным окоченением.

На то, чтобы донести до студентов самое главное, выделяется ограниченное количество учебных часов. Я только и делал, что составлял учебные планы, стараясь понять, что мне самому кажется первостепенно важным. Иногда я выкраивал время, чтобы играть в видеоигры на экране в кабинете, мне хотелось быть для них своим и в то же время показать, что даже цифровая экосистема может следовать правилам эмерджентной.

Теперь мне жаль, что я тратил столько времени на всякую ерунду вроде просмотра фильма «Аватар» и совместных гаданий на тему жизненного цикла инопланетян. Я должен был учить их выживанию. Видеоигры и кино – потворство собственному эгоизму. Я ведь никогда не был популярным преподавателем, умеющим шутить и болтать со студентами по душам. Я часто погружен в свои мысли и в целом склонен проводить время в одиночестве. Все эти развлекательные учебные методики были попытками показать им связь между крутыми вещами в их жизни и тем миром, в котором живу я.

Глядя на фотографии бедняжки Джунипер, я чувствую себя идиотом – совсем как учитель истории, врывающийся в класс в костюме Капитана Америки. Я должен был научить ее и ее сокурсников правилам безопасности, а не пытаться заставить их полюбить меня. Джунипер не должна была быть там одна. Кто-то должен был знать, где она. Она должна была взять с собой оружие. Она должна была сделать все то, чего не делаю я сам...

Импульсивная, любопытная и рассеянная, она могла научиться у меня большему, чем следовало.

– Доктор Крей! Вы в порядке? – окликает меня Гленн.

Оказывается, я собрал шесть фотографий Джунипер и прижимаю их к себе. В смущении я снова кладу их на стол.

– Простите. – Я отодвигаюсь от стола. – Пожалуй, я пойду. Вы не возражаете?

– Конечно идите! – Гленн встает и подходит к двери, чтобы меня выпустить. Но, взявшись за дверную ручку, он останавливается. – Я сейчас разговаривал со Службой рыболовства и охраны диких животных, они отправят сюда своего лучшего охотника. Мы поймаем эту зверюгу. Если это, конечно, вас утешит.

Я вымученно улыбаюсь.

– Мы оба знаем, что нет. Медведь просто поступил по-медвежьи. – Я тяжело вздыхаю, легкие сжались. – Она должна была подготовиться.

– Не вините ее, – отвечает Гленн.

Я поднимаю глаза. Мои слова лаконичны и полны ненависти к себе.

– Я виню не ее.

Глава 9. Полночь

Помощник шерифа высаживает меня на стоянке мотеля, у меня в руках картонная коробка с обувью, ноутбуком и остальными вещами, которые они изъяли из моего номера и из машины.

Дверная коробка треснула – напоминание о штурме. Наверно, можно было бы попросить администратора переселить меня в другой номер, но мне все равно.

Я закрываю за собой дверь и накидываю цепочку. Постель осталась не разобранной, но видно, что кто-то передвигал подушки. Полагаю, по ним прошлись липким роликом, собирая волосы. Наверняка искали не только кровь Джунипер, но и другие следы ее присутствия.

Пока мы с детективом Гленном разговаривали, его сотрудник изучал находки. Если бы на моих простынях или в сливе душа нашли длинный коричневый волос, то, могу ручаться, Гленн с невинным видом спросил бы меня, был я в номере один или же у меня была компания. Это стало бы первым шагом к установлению того, был ли я лжецом и потенциальным убийцей. Пока я находился в обществе Гленна, он меня оценивал. Он встречал сотни или даже тысячи виновных, и, думаю, у него есть свои методы. Каждый человек уникален, но реакции у всех примерно одинаковые.

Меня можно назвать безэмоциональным. Может, я та-

кой и есть, если понимать этот термин буквально. Когда умер мой отец, из общительного экстраверта я превратился в крайне замкнутого мальчика. Мать стала водить меня по психологам. Ее тревожило, что я не справляюсь со своим горем. Отвечая на их вопросы, я мог проявлять свои чувства только в виде коротких «да» и «нет». Потом нашелся психотерапевт, доктор Блейкли, додумавшийся письменно, в виде теста, задать мне конкретные вопросы о моем состоянии, тогда и стало понятно, что творится у меня в голове, – во всяком случае понятно Блейкли и мне самому.

Он усадил мою мать на стул рядом со мной и объяснил ей, что я справляюсь с происходящим наилучшим для себя образом, что я не социопат и не бесчувственный. Я просто не выражал свои чувства и даже сам не мог определить их так, как это делали большинство людей, или за такой же срок. Беда в том, что мы ждем эмоциональной части всех чувств. Люди – общественные приматы, и наш внутренний опыт должен быть проявлен вовне, иначе другие его не заметят. Мама никогда не видела меня плачущим. Я думал, что ее беспокоило именно это, из-за этого она и водила меня по врачам. Когда я стал немного старше и смог оглянуться назад, помогли и подсказки Дэвиса, ее второго мужа, – я наконец понял, почему ей было так необходимо второе мнение.

Она сама никогда не плакала. Мать не могла признать свою вину в том, что не выразила эмоции, которые люди должны выражать, когда умирает любимый человек. Я не со-

мневаюсь, что она глубоко переживала потерю моего отца. Я знаю, что она очень любила его. И все это знали. Он был самоотверженным человеком, который умер, пытаясь помочь другим людям.

Сам я никогда не оценивал глубину ее утраты по тому, как она себя вела. Отец умер, и в доме перестал раздаваться его веселый смех, погас свет, который он излучал. Даже чужой, заглянувший к нам, не мог не почувствовать, что в доме чего-то недостает. Я вспоминаю рассказы отчима о том, как он, служа в Берлине, ездил на поезде из Западной Германии в Восточную. Это было как переезд из цветного кино в черно-белое, говорил он. При жизни отца мир был полон красок. После – краски стали номерами в перечне цветов. Все казалось тусклым.

Моя реакция на гибель Джунипер была сродни тлению. Теперь Гленн, может, и верит, что я не трогал ее, но, лежа в постели и глядя в потолок, я размышляю, считает ли он меня человеком, способным на убийство. Что я должен был сказать, когда он назвал ее имя? Какой должна была быть моя мимика? Не знаю. Я уверен, что правильный ответ это не «сидеть сложа руки и тупо смотреть прямо перед собой, как греческая статуя». В конце беседы Гленн дал мне второй шанс отреагировать как нормальный, чувствующий человек, когда сказал, что они поймают медведя. Но мой ответ был ответом ученого, а не человека из плоти и крови, горящего жаждой мести за случившуюся несправедливость.

Чтобы было ясно: я ненавижу этого гребаного медведя.

Возможно, это просто естественный ход событий, но тогда он не отличается от лихорадки Эбола или от холеры. Эту заразу я бы стер с лица планеты, если бы мог.

Медведи – потрясающие животные, имеющие с нами гораздо больше общего, чем мы полагаем. Они приспособились почти к тем же вариантам среды, что и мы. Это чрезвычайно успешные и умные млекопитающие. Они заслуживают, чтобы мы их охраняли. Но только не этот. Раз он слишком глуп, чтобы знать, что безобидная молодая женщина не представляет угрозы, то он должен умереть. Сейчас мне больше всего на свете хочется красться вместе с охотниками по его следам.

Вот что я должен был сказать Гленну. Правильный ответ – гнев и желание что-то сделать. А теперь он, наверное, думает, что я не просто бесчувственный, а кое-что похуже. Трус. Настоящие мужчины, которые даже не были знакомы с Джунипер, которые никак не могли на нее повлиять, сейчас рыщут в чаще, выслеживая ее убийцу.

А я тем временем валяюсь под кондиционером, за запертой (будем так считать) дверью, переживая из-за своей неспособности показать людям, как я зол. Как бы плохо ни думал обо мне Гленн, я еще хуже. Я жалок. Неспособность выразить свое разочарование делает меня не просто жалким – бессильным.

Я лежу неподвижно, пока не звонит телефон.

Это детектив Гленн.

– Мы поймали его! – слышу я в трубке воодушевленный
голос.

– Где он? Хочу его увидеть.

Глава 10. Зверь

Я заезжаю на стоянку Дорожного управления на краю леса, где под навесом хранится оборудование для расчистки дорог. Под тусклым фонарем собралась толпа мужчин. Их человек двадцать, они окружили что-то, лежащее на земле. Пикапы с подставками для винтовок в кузове загораживают мне обзор. Судя по номерным знакам, съехались не только местные власти, но и полицейские из столицы штата.

Я паркую свой «Форд Эксплорер» и выхожу из машины. Расстояние до фонаря кажется мне футбольным полем, каждый шаг дается с трудом, кажется, я никогда не дойду. Фотовспышки в центре круга как молнии озаряют высокие сосны. В холодном воздухе плывет аромат кофе, раздается смех. Если убрать машины, айфоны, коробку с пончиками и винтовки, то это может быть сцена из пещер Ласко, где двадцать тысяч лет назад люди собирались, чтобы отпраздновать свои победы на охоте. Я незваный гость, в то время как они – герои, не убоявшиеся чудовища, убивающего прекрасных дев. Я наблюдатель, пришедший посмотреть на монстра, я не имею права участвовать в дружеских похлопываниях по спине и поздравлениях.

– Доктор Крей! – окликает меня детектив Гленн. Он отходит от человека в форме Лесной службы и направляется ко мне.

Мне кажется, что он спросит меня, что я здесь делаю, хотя он сам пригласил меня. Он пожимает мне руку. На его лице улыбка. Он знал Джунипер только в виде трупа. Для Гленна ее история началась с обнаружения мертвого тела в лесу и благополучно завершилось победой над чудовищем. Как и для всех остальных. Главное действующее лицо в их драме – медведь. Все они – положительные персонажи, противостоящие отрицательному – лютному зверю. Бедняжка Джунипер – статистка, завязка действия. Имя, повод совершить благое дело. Я не сержусь на них за это. По крайней мере, они что-то делали, пока я смотрел на свой пупок.

Гленн знакомит меня с человеком с седой бородой, в куртке Службы охраны рыболовства и диких животных. На поясе его шорт висит револьвер.

– Это Кевин Ричардс. Он выследил животное и убил его.

Я пожимаю Кевину руку.

– Сочувствую вашей утрате, – обращается ко мне Ричардс с серьезным и мрачным лицом. Я чувствую, что он из тех охотников, которым не нравится смерть любого существа. Я не могу придумать, что сказать. Я просто киваю, слишком смущенный, чтобы признать, что самая большая потеря, которую я чувствую, – это утрата чувства собственной гордости. Сквозь толпу мне удастся разглядеть клоч бурой шерсти. Ричардс сжимает мое плечо.

– Пойдемте, покажу.

Его намерение понятно – желание меня поддержать. Но

меня, наоборот, покидают последние силы, и я борюсь с желанием сбросить его руку. Он – торжествующий рыцарь, показывающий испуганному крестьянину мертвого дракона. Не хватало только услышать от него: «Не бойся, малыш, у меня все под контролем».

Толпа, заметив приближение Ричардса и Гленна, расступается. На щебенке расстелен синий брезент, в середине – гора меха, засыпанная листьями и ветками. Я вижу побуревшую кровь на туше, но это не пулевые ранения. На животном видна только одна рана: отметина на правом виске, сразу за глазом. Это был мастерский выстрел и быстрая смерть. Глаза медведя остались открытыми, из разинутой пасти торчат острые клыки. Выпущенные когти напоминают наточенные ножи.

Это чудовище убило Джунипер. Это кошмар, забравший ее жизнь. Он очень большой, даже для гризли. Я должен чувствовать ненависть, глядя на него. Какой-то инстинкт должен заставить меня схватить топор и начать рубить зверя на куски, демонстрируя свою ярость. Но я не могу заставить себя сплюнуть или хотя бы покачать головой. Я смотрю на него и вижу медведя. Просто медведя.

Оскал – скорее всего, просто спазм после выстрела. Когда Ричардс нажал на курок, животное, должно быть, опустило голову, вынюхивая съестное под поваленным стволом. Смерть настигла его в мирный момент, а не в разгар эпической битвы. Он умер тихо, не успев осознать случившегося,

как и должно было быть. Как полагалось и Джунипер в старости.

Мне жаль медведя. Их с Джунипер пути не должны были пересечься. Окажись она на каких-то десять метров дальше по ветру, медведь бы сейчас уютно спал, а Джунипер записывала вином пиццу в соседнем городке. Оба были бы живы, здоровы и счастливы. Но все пошло не так, и мы имеем мертвую девушку в морге и мертвого медведя, распростертого на земле, ставшего объектом насмешек и ненависти.

Я кошусь на Ричардса и выдавливаю похвалу:

– Хорошо сработано.

Он понимающе кивает, не догадываясь, что у меня на уме, и уходит вместе с Гленном. Я стою над медведем, смотрю на него, но в действительности не вижу.

– Извините, – раздается у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и вижу молодую женщину в форме помощника шерифа, у нее в руках толстый конверт.

– Вы биолог?

– Да.

– Мне сказали передать вам это. – Она протягивает конверт мне. – Мой муж торопится на работу, так что мне надо скорее возвращаться. – Она смотрит на медведя: – Твою же мать! Ну и чудище!

И она быстро уходит в сторону своей машины. Я не сразу понимаю, что конверт теперь у меня в руках. Медведь будто смотрит на меня. Я запускаю в конверт руку и нащупываю

несколько пробирок. Сначала я предполагаю, что это образцы из моего полевого набора. Я вынимаю одну и читаю этикетку: «Парсонс, Джунипер 8.04.17 – Н.С.М.Е.».

Содержимое пробирки ни с чем не спутаешь. Это кровь. Темная, свернувшаяся. Взята из раны. Я рассматриваю другие пробирки. На всех одинаковая маркировка. Я держу ее кровь. Внутри ее ДНК. Рецепт изготовления Джунипер Парсонс у меня в руках. Конечно, если поместить генетический материал в яйцеклетку и заставить ее делиться, никакой Джунипер не получится. С момента оплодотворения и до того момента, как она села рядом со мной в ресторане несколько лет назад, окружающий мир влиял на нее, превращая в Джунипер, которую я помню. Той девушки больше нет, и я никогда по-настоящему не знал ее. Ее ДНК – не в большей степени Джунипер, чем ее фотография.

Я читаю надпись на конверте:

«Д-ру Лайэму Гудсону. Служба рыболовства и охраны диких животных».

Вот и объяснение, почему пробирки оказались у меня. Я жестом подзываю Ричардса, беседующего с Гленном и с еще несколькими людьми.

– Простите, сейчас помощница шерифа вручила мне это. – Я отдаю конверт Ричардсу. Он заглядывает внутрь, кивает и передает конверт пожилому мужчине с козлиной бородкой и в толстых коричневых очках.

– Гудсон, думаю, это для вас.

Доктор Гудсон берет конверт, проверяет содержимое и вежливо улыбается мне.

– Вы доктор Крей? Мы используем это, чтобы подтвердить, что это правильный медведь, – объясняет он из профессиональной вежливости.

Насколько я понимаю, они будут искать ее кровь на шерсти и в желудке зверя.

Я киваю и иду прочь, но потом останавливаюсь и поворачиваюсь, чтобы задать вопрос доктору Гудсону:

– Почему вы решили, что это тот самый медведь?

– Мы нашли кровь на его когтях и шерсти, – отвечает он и указывает на ящик с инструментами, не слишком отличающийся от того, что использую я. – Мы произвели анализ. Вы знакомы с полевым набором для проверки на гемоглобин?

– Ну да, понятно.

Он имеет в виду пробирки с реактивами, меняющими окраску в присутствии человеческой крови. Это быстрый способ определить, принадлежит ли образец крови человеку или какому-то другому животному. У него наверняка есть наборы и для других типов крови. Это один из способов ловли браконьеров.

Я возвращаюсь к своей машине и несколько минут сижу внутри, глядя на толпу, все еще стоящую на медведем. Пытаюсь осмыслить все, что произошло. Когда я проснулся сегодня утром и направился к автомату со льдом, мне в голову не могло прийти, что я окажусь вовлечен в драму с участием

мертвой девушки и с охотой на медведя-убийцу. Теперь все позади, но я все еще взволнован и в замешательстве. Я с усилием разжимаю правый кулак и смотрю на то, что держу. Это не приносит никаких ответов, а только добавляет вопросов. Самый главный из них: зачем мне понадобилось похищать образец крови Джунипер?

Глава 11. Филантроп

Когда я просыпаюсь, пузырек с кровью стоит на тумбочке рядом с тремя пустыми банками пива. Знаю, пробирку надо вернуть. Они не были пронумерованы, к конверту не прилагалось описи, но кто-то все равно может заметить пропажу. Не сомневаюсь, что это посчитают попыткой фальсификации улики, даже если больше нет дела об убийстве. Зачем я ее взял? Хочется думать, что причина проста: сбор образцов и препаратов – моя вторая натура. У меня даже есть отдельный курс о том, как сделать импровизированные полевые наборы из клейкой ленты, пеналов и всего, что можно найти вокруг.

Моя лаборатория хуже гнезда сороки, столько там случайных предметов. Некоторые пригождаются сразу, другие могут долго ждать своего часа. Любопытные отверстия в найденном коконе гусеницы, например, помогли объяснить, почему цветок рос в одной среде, но не прижился всего в нескольких сотнях метров. Коллега-энтомолог узнал в этих отверстиях следы термитов. Термиты не являются естественными врагами той гусеницы, но, когда она попыталась свить кокон на ветке дерева, термиты продырявили ее домик, впустив внутрь паразитов. Гусеница погибла, не дожив до следующей стадии, когда она запорхала бы, разнося пыльцу.

Самое невинное объяснение моих поступков – рассеян-

ность. Биоклептоманию можно по крайней мере понять. Прочие объяснения вызвали бы, скорее, омерзение. В науке сплошь и рядом совершают стандартную ошибку: воображают, будто назвать явление – все равно что его понять. Но скелет в музее или капля крови приоткрывают только часть всей картины. Так и с кровью Джунипер: это всего лишь один пиксель большого изображения. Другое дело, скажем, ее зубная нить. Так я узнал бы, что она ела на ужин, в каком состоянии у нее зубы и, возможно, ДНК последнего человека, с которым она целовалась.

Я отмахиваюсь от мыслей о собственной мотивации, встаю и бреду в туалет. В середине процесса звонит телефон. Я споласкиваю руки – так, для порядка – и проверяю, кто звонит. Это Джулиан Стейн, филантроп, которому принадлежит фонд, предоставивший мне грант. Моя заявка была состряпана кое-как, тем не менее он протолкнул – кстати, уже не в первый раз.

Джулиан чертовски гениален. Он был вундеркиндом, который продал свою первую ИТ-компанию, когда ему было семнадцать. Он стал венчурным капиталистом и теперь невероятно богат. Казалось бы, человек добился предела мечтаний – дом с видом на мост «Золотые Ворота», пентхаусы в Нью-Йорке, лавры создателя независимых фильмов, которые он продюсирует, и тем не менее он не устает твердить, что завидует мне.

Забавная штука. Когда я беспокоюсь о том, продлит ли

университет мой контракт и чем платить за квартиру, человек, летающий на собственном самолете в компании президентов, смотрит на меня с завистью. Но когда, работая в поле или даже за компьютером, я делаю захватывающее открытие только потому, что располагаю свободным временем, я его понимаю.

Я привлек его внимание, когда журнал WIRED опубликовал материал об одном моем странноватом открытии. Мне пришло в голову, как при помощи местного телефонного справочника или списка почтовой рассылки предсказать, какие города станут первыми жертвами эпидемии гриппа. Я составил список прогнозов, основанных на нескольких факторах. Главным оказалось количество однофамильцев в городе.

Люди, которые имеют одинаковые фамилии, как правило, состоят в родстве, едят вместе и без колебаний пробуют еду друг у друга с тарелок, обмениваясь микробами. Так за выходные дни возникают очаги инфекции, распространяющиеся потом на школы и места работы. Также распространению болезни способствует наличие в городе конгресс-центров. Это, конечно, не жесткое правило, но его сила и польза в том, что оно предлагает простое объяснение. Остается выяснить, соответствует ли эта теория имеющимся данным. Джулиан прочел статью, позвонил мне и посоветовал провести дополнительные исследования в этом направлении.

Я бы не стал называть нас друзьями. Его жизнь разбита

на пятиминутные отрезки, и ты с сожалением понимаешь, что сразу после разговора с тобой он перейдет к следующему номеру в очень длинном списке своих контактов.

– Привет, Джулиан.

Его голос мрачен.

– Тео. Я слышал. Как ты держишься?

Я не решаюсь спросить, о чем он слышал. О моем аресте – собственно, арестом это не было – или о Джунипер. Когда имеешь дело с Джулианом, не стоит удивляться, что он узнал о чем-то слишком быстро.

Я решаю сказать то, что сказал бы менее эгоистичный человек:

– Бедная девушка.

– Ты хорошо ее знал?

– Не очень. Не разговаривал с ней несколько лет. Даже не знал, что она работала поблизости. – Кажется я слишком настойчиво подчеркиваю свою непричастность.

– Некоторое время назад я выделил ей грант.

– Неужели?

По правде говоря, узнать, кого еще финансирует Джулиан, я могу только на изредка устраиваемых им конференциях.

– Так, мелочь. Просто услышал, что она была твоей студенткой, и автоматически одобрил. Она цитировала тебя несколько раз.

Проклятье, лучше бы она забыла о моем существовании.

– Понятия не имел. Я знал ее только как студентку.

– У меня сейчас открыта ее страничка в Фейсбуке. Там столько сообщений! Наверное, она этого заслужила.

Я не в курсе, а жаль. Я переключил телефон на громкую связь и открыл ноутбук. Первым делом мне попался ее профиль в твиттере. Я кликаю по нему и вижу фотографию.

Это она. Улыбается.

Я не видел этого лица и этой улыбки много лет. В памяти всплывают воспоминания. Джунипер была красивой девушкой. С необычной внешностью. Кажется, теперь я вспомнил: ее отец был ирландцем, а мать – с Гаити. Она сошла бы за бразильянку или любую другую красавицу смешанных кровей. Она была единственной в своем роде. Я бросаю виноватый взгляд на пробирку с ее кровью. По крайней мере, у нас есть ее ДНК...

Постыдная мысль даже для биолога.

– Я слышал, что медведь пойман.

– Да, я видел его вчера вечером. Думаю, это хорошо.

– Не понял...

– Меня задержали и допросили, – признаюсь я.

– Ничего удивительного.

– Наверное. Но сначала они думали, что это я ее убил.

– Чертовски страшно, ага!

– Я не шучу.

– Слава богу, что они быстро разобрались.

– Ну да... – тяну я.

– Ты звучишь как-то неубедительно.

– Что? Я ее не убивал.

– Нисколько не сомневаюсь, – резко отвечает он.

– Просто... Слышал про первое впечатление? Часто оно становится определяющим.

– Тео, ты меня уже запутал. Ты это о чем?

– Сам не знаю. Тот детектив, который со мной говорил... Он умный. С развитой интуицией. Такой не будет пускаться в безумные поиски.

– Но они же поняли, что это был медведь, и выследили его.

– Так и есть. – Я беру пробирку и вращаю ее в луче солнца, проникающем в щель в двери. Что-то отражает свет.

– Ты уже говорил с ее родителями? – спрашивает Джулиан.

Я прищуриваюсь и вижу волосок. Он короткий, толстый и прямой, у человека такой не вырастет – во всяком случае у здорового.

– Тео?

– Послушай, Джулиан, ты знаешь специалистов по медведям?

– Мы финансировали один проект по разновидностям медведей. Хочешь поговорить с его участниками?

Не знаю, о чем бы я их спрашивал.

– Нет. Тут такое дело... У меня есть образец ее крови и, наверное, шерстинка медведя.

– Ты собрал материал?

– Не совсем. Не важно.

Я возвращаю пробирку на столик.

– Хочешь, чтобы кто-нибудь посмотрел?

– Нет, этим занимается Рыболовство и охрана животных.

Прости, наверно, я просто не в себе.

– Ты ведешь себя как ученый. Если хочешь, можем подождать и посмотреть, что они скажут. Хотя, скорее всего, они просто подтвердят, что это медведь. Мне было бы любопытно узнать, было ли с ним что-то не так или Джунипер каким-то образом сама спровоцировала нападение. То, что предменструальный синдром привлекает медведей – наверное, миф?

– Сказать по правде, не знаю, собрано ли достаточно данных. Но я не стал бы это серьезно обсуждать.

– Наверное, – соглашается Джулиан. – Позволь спросить, если бы к Джунипер попала пробирка с твоей кровью и медвежья шерсть, то ты захотел, чтобы она кому-то все это показала?

– Да, но я недостаточно ее знаю, чтобы утверждать, что она стала бы...

– Поверь, стала бы. Присылай.

– Хорошо. – Что угодно, лишь бы от этого избавиться.

– Ты уже говорил с ее матерью? – опять спрашивает он.

Это его «уже» звучит странно. Можно подумать, что это мой долг. Дерьмо. Конечно, я должен позвонить. Какой же я засранец. Это так по-человечески – позвонить и выразить соболезнования. Но я сомневаюсь.

– Еще нет. Ищу ее номер.

– Полиция тебе его не дала?

Я даже не подумал спросить.

– Я... Прямо сейчас этим займусь.

– Я его тебе скину. Я сам позвоню немного позже. А тебе бы хорошо с этим не медлить. Все-таки ты ее любимый преподаватель и так далее.

Любимый?

– Конечно. Прямо сейчас и позвоню.

– Договорились. Я пришлю курьера за образцом. У меня есть лаборатория, делающая все быстро, потом расскажу подробнее.

Джулиан, как всегда, чертовски предусмотрителен.

Мы прощаемся, и я смотрю на номер телефона матери Джунипер. Как выразить свои чувства словами? Как объяснить, почему это случилось именно по моей вине? Я знаю, что сидение здесь в темноте не приблизит меня к ответу. Я набираю номер, надеясь, что хотя бы раз в жизни отыщу правильные слова в правильный момент.

Глава 12. Бабочки

– Алло. – Голос матери Джунипер звучит немного напряженно, но все еще уверенно. Для нее кошмар начался несколько дней назад, когда Джунипер пропала. Наверное, истекшее время позволило ей хоть как-то свыкнуться с неизбежностью.

– Здравствуйте, это Тео Крей. Несколько лет назад я был преподавателем вашей дочери. Хотел принести вам соболезнования. – Совершенно бессмысленное слово, но я не представляю, чем его заменить.

– Профессор Тео? – Ее голос становится громче. – Спасибо, что позвонили. Это много для меня значит.

– Не знаю, говорили ли вам об этом, но я сейчас нахожусь в том же районе. – То, что сначала в жестоком убийстве вашей дочери заподозрили меня, мы опустим.

– Да, я знаю. Джунипер об этом упоминала.

– Вот как?

– Да. Она следила за вашими исследованиями. Излишне говорить, как сильно вы ее вдохновляли.

Я?

– Она была замечательной студенткой.

– Она вам когда-нибудь говорила, что это благодаря вам она не бросила учебу?

– Гм... Нет. – Она вообще ничего мне не говорила, пото-

му была для меня не более чем фамилией из списка для переклички.

– У нее был сложный период. Проблемы с женихом, годом раньше умер ее отец. Это был напряженный период. Она говорила, что вы вселили в нее надежду. Она хотела быть похожей на вас.

Походить на меня? Социально невежественного наблюдателя?

– Спасибо, приятно слышать. Мне нечасто это говорят. – Правильнее было бы сказать «никогда».

– Уверена, вы скромничаете. То, что вы позвонили, много значит...

На самом деле ей следовало бы на меня наорать.

– Я просто хотел... Мне очень жаль. – Мой голос срывается. – Мне бы хотелось быть лучшим учителем. Жаль, что я не сказал ей о необходимости быть осторожнее. Простите, миссис Парсонс. Зря я вам это говорю.

– Ничего. Я стараюсь привыкнуть к тому, что... – Мне слышно, как она пытается сдержать слезы. – Она была моей маленькой девочкой. Теперь ее нет.

– Мне очень жаль... – Я глубоко вздыхаю, шмыгаю носом.

– Доктор Тео, почему она оказалась там одна? – Сначала ее тон был сердечным, потом сдержанным, теперь он отстраненный.

– Не знаю. Не знаю даже, чем она здесь занималась. Жаль, что я не потратил еще немного времени, рассказывая, как

важна осторожность. – Мне стыдно, что я ее осуждаю, и я сразу иду на попятный. – То есть... Я хочу сказать, что...

– Она всегда помнила об осторожности. В летние месяцы она работала в Йеллоустоне, в лесничестве. Часто встречала медведей и всегда знала, что нужно держаться подальше. Наверное, единственный раз, когда не посмотрела, и вот...

Я впервые слышу, что Джунипер работала в лесничестве. Выходит, она была подготовлена лучше, чем я думал. Теперь мне вдвойне стыдно, что я объяснял ее гибель беспечностью. Приписывать несчастье других их собственным оплошностям – предосудительное самоутешение. Наверное, она имела больше навыков выживания в поле, чем я сам. Тем бессмысленнее и необъяснимее ее гибель. Сейчас не время спрашивать, но я должен знать.

– Чем занималась здесь Джунипер?

– Кажется, чем-то связанным с генетикой рыб.

Судя по карте, там, где ее нашли, не было ни пруда, ни реки. Но она могла просто отправиться на прогулку. Вообще-то как ее коллега-ученый, тем более бывший ее преподаватель, я бы мог постараться побольше узнать о сфере ее научных интересов. Стыдно, что мне потребовалась ее смерть, чтобы понять, что кто-то из моих учеников самостоятельно занялся чем-то интересным.

– Вы его видели?

Я не сразу догадываюсь, что она имеет в виду. Медведя. Чудовище, убившее ее ребенка.

– Да, вчера вечером. Вчера мы его поймали.

Что за подлая ложь – это «мы»...

– Спасибо, что помогли его выследить. Мне легче от мысли, что он больше никому не причинит вреда. Конечно, Джунипер не пожелала бы ему мучений. Она была очень добрая. Конечно, была...

– Это была быстрая смерть. Охотник убил его одним выстрелом.

– Вот и славно. Джунипер осудила бы меня, но я рада, что с ним разделались. – Она сделала паузу. – Простите.

– Вам не за что просить прощения.

– Вы уверены, что поймали его?

У меня мелькает мысль, что у нее вызвала недоверие та часть моей версии событий, где «мы» ловим медведя. Я собираюсь признаться, но потом понимаю, что она спрашивает, тот ли это медведь.

– Кажется, они уверены, что медведь тот самый. Для большей уверенности они проведут тесты.

Пробирка с кровью Джунипер и медвежьей шерстинкой лежит у меня на тумбочке. Меня подбадривает мысль, что я согласился на предложение Джулиана провести анализы.

– Я тоже собираюсь это перепроверить, – говорю я, изображая значимость. – У меня есть друзья, которые могут провести исследования.

– Спасибо вам. Спасибо, доктор Тео. Для меня это очень важно. Я рада, что вы сейчас там.

Я чувствую облегчение, что она отпустила мои прегрешения.

– Разумеется, – говорю я великодушно, чувствуя себя полным дерьмом. – Прошу вас, называйте меня Тео. Если я могу что-то для вас сделать, просто скажите.

– Она отдала в мастерскую свою машину. Неприятно вас обременять. Полиция может прислать мне ее вещи, но...

– Я позабочусь об этом. Просто скажите название мастерской и место, где она остановилась. Я разберусь с остальным. Мы прощаемся. Я мысленно обещаю себе снова с ней созвониться через пару дней.

Эта женщина лишилась всего, что было для нее важно. С ее точки зрения, я был важен для ее дочери. Самое меньшее, что я могу сделать, это уважать ее горе и заглядывать к ней время от времени. Уверен, Джунипер хотела бы именно этого. Чем больше я узнаю о тебе, Джунипер, тем интереснее ты становишься. Чем же ты там занималась?

Глава 13. В пешей доступности

Автомастерская Брайсона стоит на обочине шоссе, между длинными участками пастбища, там, где начинаются высокие деревья леса. Человек пятидесяти с чем-то лет в заляпанном машинным маслом комбинезоне – видимо, сам Брайсон – встречает меня, выглядывая из-под капота «Субару».

Джип Джунипер – наверное, это он и есть – стоит на полуденном солнце на краю стоянки, рядом с пикапом и «Тойотой Камри», оставшейся без крышки капота и одного крыла.

Брайсон идет ко мне поздороваться.

– Значит, вы и есть тот другой?

– Другой?..

– Второй парень, которого они схватили.

Теперь понятно. Конечно. Гленн говорил, что у них был еще один потенциальный подозреваемый, прежде чем они поняли, что ее убил медведь.

Он на несколько сантиметров ниже меня, но плотного телосложения. Домкрат и лебедка – вот и все механизмы, которые я здесь вижу. Вероятно, он так и поддерживает себя в форме, таская целый день тяжелые детали.

– Вот-вот, – говорю я. – Оказалось, что им было нужно четвероногое.

– Похоже на то.

Я указываю на машину Джунипер.

– Ее мать попросила меня с этим разобраться. Она живет в Северной Каролине. Как бы туда переправить машину?

– Фирма буксировки, доставившая ее сюда, работает только в пределах штата. Я знаю одну службу, но она возьмет с вас баксов восемьсот. Если вы располагаете неделей-другой, можете сами попробовать разыскать кого-нибудь, приехавшего сюда на сезон и согласного отогнать ее обратно.

– Думаете, найду?

Брайсон пожимает плечами.

– Почему мне знать? Попробуйте, если вам не к спеху.

– Вообще-то мне через неделю надо назад в Остин. Начинается осенний семестр. Но неделю я могу попытать счастья с объявлениями.

Не хватало брать деньги за перегон с матери Джунипер. В худшем случае расплачусь своей кредитной карточкой, а потом придумаю, как разбираться с расходами.

Брайсон смотрит на мой кроссовер.

– Вы уже задумываетесь о новых покрывках?

Я готов отмахнуться от навязываемой услуги, но одного взгляда на колеса достаточно, чтобы я сам увидел, что на передних почти нет протектора.

Он замечает мое колебание.

– Я не собираюсь на вас наживаться. Заменяю передние со скидкой. Задние еще немного послужат. Это обойдется вам всего в полторы сотни.

– За колесо?

Он ухмыляется.

– Дружище, если бы я вздумал вас обообразить, то вы и глазом не успели бы моргнуть, как остались бы без штанов. Полторы сотни за обе плюс бесплатная замена масла.

– А что, неплохая идея!

– Если хотите подождать тут, то есть комната отдыха с беспроводным Интернетом. Больше-то тут делать и нечего. – Он указывает кивком на лес. – Даже если того зверюгу выследили, лично я гулять бы все равно не пошел.

– Наверное, вы правы.

Он указывает на заросшее травой поле рядом с железным ангаром.

– Здесь было, как голливудском боевике. Вон там сел поисковый вертолет.

– Здесь? – Я удивленно смотрю на лес. – Погодите, это здесь, что ли, нашли Джунипер?

– В пяти километрах дальше по дороге. На полпути между мной и мотелем «Маунтин Клауд».

Так назывался мотель, где остановилась Джунипер.

Я отдаю Брайсону ключи.

– Я все-таки прогуляюсь.

Я достаю с заднего сиденья рюкзак и закидываю его на плечи. Забираться глубоко в лес я не собираюсь. Так, пройду вдоль дороги.

По крайней мере, я так думаю. Честно говоря, у меня нет

какого-то плана.

* * *

Шоссе прорезает лес, как узкий каньон. Я держусь гравийной обочины – на случай если кто-то из невнимательных водителей мчится по дороге.

Переход от пастбища к вечнозеленому лесу производит странное впечатление. Между ними проходит полоса высокой дикой травы – экотон⁸. Деревья и луг воюют здесь за жизненное пространство, но победу одерживает третья сторона – сорняки, прорастающие на стыке каменистой равнины и более мягкой лесной почвы.

На краю шоссе из трещин в асфальте лезут ромашки и прочая трава, образуя островки жизни. Это тоже миниатюрные экотоны. Если бы я искал бактерии, пожирающие нефтепродукты, то собирал бы образцы земли с середины оживленных шоссе. Не знаю, обнаружил бы я искомое, но что-нибудь интересное попало бы наверняка.

Я поднимаю взгляд от дороги к окружающему лесу, пытаюсь понять, что понадобилось здесь Джунипер. Мне стоило бы найти ее последние научные заявки или по крайней мере ее блог в Интернете. Но я все еще потрясен случившимся,

⁸ Экотон – переходная зона между двумя соседствующими сообществами, где происходит их взаимопроникновение, например, как здесь, между лесом и лугом.

так что не могу заставить себя даже открыть ее страничку в Фейсбуке. Ее лицо и так преследует меня.

Первые километра полтора дорога идет под уклон, потом, наоборот, начинает взбираться в гору. Второй подъем немного круче. Я разглядываю деревья, ища признаки места, где была найдена Джунипер. Подчиненные шерифа наверняка оставили там какой-то знак. Но мне попадаются только выцветшие оранжевые отметки лесников. Насколько мне известно, публично не сообщали никаких деталей, кроме общего описания местности.

Связь между этим лесом и картой в кабинете Гленна для меня неочевидна, хотя я только и делаю, что изучаю карты природных и искусственных ландшафтов. Мимо с грохотом проезжает тягач с прицепом, обдав меня порывом ветра. Надо было спросить, когда Джунипер поставила машину в гараж. Много ли она ходила после этого пешком?

Я решаю идти вперед еще минут десять, а потом поворачивать обратно. Понятия не имею, чего ищу и что делала здесь Джунипер, кроме как шла от автомастерской до мотеля и обратно. Склоны по обеим сторонам дороги слишком круты, чтобы там мог появиться пруд или водоем. Рыба там могла оказаться, только если выпала из клюва птицы. Я уже готов повернуть назад, как вдруг замечаю синюю ленту, привязанную к дереву. Она кажется совершенно новой. Углубившись в лес метров на десять, я оказываюсь в непроходимой чаще и вижу широкую желтую ленту вроде той, какой в кино

огораживают место преступления. Это то самое место. Или, скорее, место на дороге, от которого можно выйти к тропе, которая приведет вас туда, где все произошло.

Мне действительно нужно вернуться в автомастерскую. Мне здесь делать нечего. И все же я продираюсь сквозь лес, чтобы найти место, где она была убита.

Глава 14. Желтая полоса

Древние греки верили, что мир начался с хаоса, с бесформенной пустоты, из которой вышли титаны и боги, породившие человека. Достигнув высшей формы развития – таковой философы считали самих себя, – человек попытался упорядочить хаос, отыскать во вселенной симметрию и закономерности. Именно этот поиск создал идею философии и, много позже, науки. Ученый – это тот, кто силится разглядеть в хаосе порядок. Порой это неосуществимо, что понятно из квантовой механики и теории хаоса. Я карабкаюсь на холм, потому что хочу упорядочить хаос. У нас есть событие: смерть Джунипер. У нас есть причина: медведь. Ответ на вопрос «почему» отсутствует, и полиция не объяснила, что привело к их встрече.

Первая желтая лента, как я и подозревал, служит отметкой. Через десять метров желтеет еще одна. Так я нахожу пять желтых лент, и они приводят меня на небольшой участок ровной земли.

Там я вижу первую красную ленту. Она привязана к стволу дерева. На коре под ней темное пятно – кровь. Точнее, частичный след окровавленной ладони. Умирая, Джунипер дотронулась до этого дерева. На маленькой поляне я насчитываю еще четыре красные ленточки и три воткнутых в землю красных флажка. Некоторые из ленточек отмечают ме-

ста, откуда вырезали для анализа куски упавшего дерева или откуда собрали почву и кровь. Эти участки маленькие, что странно, учитывая, что здесь истек кровью взрослый человек.

Я опускаюсь на колени и разглядываю одно из пятен. Почва здесь вязкая, как глина, и не пропускает воду. На поверхности собираются капельки влаги. Некоторые типы почв не впитывают воду, некоторые, вроде иссушенной почвы пустыни, наоборот, жадно ее втягивают. Чтобы разобраться, сколько крови здесь пролилось, криминалистам пришлось копнуть глубже. На первый взгляд немного. Возможно, девушка уже потеряла много крови, прежде чем упасть здесь. Я вытираю ладони о шорты и вижу второй ряд желтых ленточек. Они ведут дальше, вверх по склону.

Вырисовывается подобие системы. Вокруг меня по-прежнему хаос, но уже видно направление. Я взбираюсь на холм, маленькие камушки выскользывают из-под ног. Трудно вообразить, как продиралась сквозь эти кусты теряющая кровь Джунипер.

Двумя красными флажками помечены места, где ее кровь попала на растения. Желтая линия кончается у другого дерева, в которое упиралась ладонью Джунипер. Как ни странно, эта сторона дерева обращена в сторону дороги, а не вглубь леса, где, видимо, она впервые столкнулась с медведем. Полоса желтых лент ведет дальше вверх. Я продолжаю взбираться, глядя себе под ноги, чтобы не наступить на красный

флажок, спрятавшийся за пнем или в кустах.

Я замираю. Меня заставил остановиться не звук – во всяком случае не такой, который я успел бы осознать. Сработала древняя часть мозга, соединенная с атрофированными или отмершими органами чувств. Так со мной уже бывало. В первый раз – когда мне было четырнадцать, отчим взял меня в поход по Западному Техасу. Я то и дело останавливался, тревожась по непонятной мне самому причине. Дэвис как будто ничего не замечал. Когда мы вернулись в лагерь, он спросил, не было ли у меня днем странного чувства. Я ответил, что было, но не смог объяснить почему. Он понимающе кивнул и взял из машины ружье.

– Иди за мной.

Мы вернулись примерно на полтора километра и остановились в том самом месте, где меня впервые посетило то странное чувство. Я наблюдал, как он, прищурившись, изучает окрестности. Его внимание привлек крупный валун. Дэвис обошел камень, я вслед за ним. Присев на корточки, он жестом велел сделать то же самое мне. Его палец указывал на грязь на месте засохшей лужицы. Там красовался отпечаток лапы больше моего кулака. Я видел такой в руководстве для охотников и сразу опознал. След принадлежал пуме. Это ее мы оба почуяли.

– Как мы догадались? – спросил я.

– Наверное, учуяли другое плотоядное. Может, услышали. Но заруби себе на носу: пума узнала, что мы рядом, гораздо

раньше.

Много раз потом жизнь иллюстрировала мне правоту его отрезвляющего предупреждения. Вот и сейчас у меня ощущение, что я не один. Побежать – значит показать себя испуганной жертвой. Слишком наглый поступок станет свидетельством покушения на чужую территорию. Правильнее всего проявить осторожность. Я медленно достаю из рюкзака перцовый баллончик.

Мне остается пройти еще один отрезок пути, отмеченный желтыми лентами. Так я доберусь до места, где медведь впервые напал на Джунипер.

Да, я видел мертвого медведя, но это не значит, что именно он ее убил. Медведи и молнии делают все, что им заблагорассудится, и могут бить в одно и то же место сколько угодно, что бы ни говорили нам эксперты. Наверное, стоит осторожно вернуться на дорогу. Но я по-прежнему наблюдаю хаос. А мне нужен порядок. Сжимая в руке баллончик, я лезу дальше.

И любой звук, и затянувшая тишина заставляют меня замирать и озираться. Я не вижу никаких хищников, прячущихся за деревьями. Но это не значит, что их нет. Я добираюсь до последнего желтого флажка и вижу воткнутый в землю красный. Хотя земля в лесу засыпана сосновыми иголками, я легко определяю, что в этом месте почва другая. Она пропиталась кровью.

Глава 15. Место смерти

При виде темного пятна на земле мне на ум приходит мрачное сравнение. Как в тесте Роршаха, мозг стремится к связям, и я вижу «снежного ангела». Здесь, лежа на земле, Джунипер боролась за жизнь, размахивая руками и разбрызгивая кровь. Сопротивлялась ли она медведю? Пыталась ли из-под него выбраться? Тот факт, что у нее хватило сил встать и спуститься вниз по склону, поражает меня.

Как бы реагировал я сам? Паника, шок?

Джунипер была бойцом. Смелая девушка, она не сдавалась, пока в ней теплились хоть какие-то силы.

Работая на скорой, я слышал о людях, умирающих от самых пустяковых ран. Как и о случаях спасения в жутких авариях, несчастных случаях, в каких обычно никто не выживает. Никто не отрицает значение жизненно важных органов и артерий, но не стоит забывать и о воле к жизни.

Среди деревьев кто-то движется. Я встаю и медленно поворачиваюсь, глядя в чашу. Часть моего зрения, привыкшая искать признаки и совпадения, ничего не различает. На расстоянии меньше двадцати метров от меня может притаиться дюжина зверей размером хоть с медведя, хоть с мышь, и я бы их не увидел. Помня об этом, но все же парализованный видом крови, я опускаюсь на колени и пытаюсь разобраться в происходящем.

Я сижу, вперив взгляд в круглое пятно от крови, и пытаюсь сообразить, что к чему. Что привело сюда Джунипер и медведя? Он преследовал ее? Или она его спугнула? Неужели она сама по глупости подкралась к медведю? Каким бы это ни было идиотизмом, найдется немало придурков, именно так расставшихся с жизнью.

Я снова выпрямляюсь и смотрю вниз с холма. От желтых и красных флажков рябит в глазах, но как насчет других цветов? Где был ее рюкзак, где была обувь? Разве полиция не применяет особую ленту для обозначения личных вещей пострадавших?

Трудно представить, чтобы Джунипер зашла так далеко в лес хотя бы без бутылки с водой, даже если она просто шла от автомастерской до мотеля. И я до сих пор не могу понять, что привело ее сюда. Никаких прудов и озер здесь нет и быть не может. Самая большая лужа жидкости – это пятно ее собственной крови.

Нет даже гниющих бревен, где медведь мог искать бы что-нибудь съедобное. Выходит, то, что Джунипер и медведь оказались здесь, – чистая случайность. Медведь может считать очень большую территорию своей, и возможно он обходил владения. По правде говоря, я не такой уж знаток медведей. Сейчас, стоя в лесу, я размышляю о поведении двух совершенно чужих мне существ.

Где-то хрустит ветка, и я оборачиваюсь, прислушиваясь. Передо мной пустой лес. Я перестаю дышать и не шевелюсь,

дожидаясь нового сигнала. Я знаю, что смотрю в правильном направлении, просто еще не разглядел источник звука. Все мое внимание сосредоточено на небольшой поляне с двумя деревьями в полуметре одно от другого.

Там что-то есть. Я решаю, что лучшее действие сейчас – это осторожное отступление. Перцовый баллончик у меня наготове, прицеплен к ремню. Не отводя взгляда, я делаю один шаг назад, потом второй.

Что-то колет меня в лодыжку. Я рефлекторно дергаюсь и падаю. От внезапного падения на спину из меня вышибает дух. Я ударяюсь затылком о камень, и часть моего поля зрения меркнет, как картинка на старом телевизоре. Я пытаюсь не потерять сознание. Слышится треск веток – кто-то ломится через лес. Ломится в мою сторону. Я пытаюсь поднять баллончик, но вижу, что в руке ничего нет. Слишком большое напряжение и обморок уже стискивают меня черными пальцами. Последнее, что я успеваю почувствовать, – запах крови. Теплая струйка стекает с затылка. Но запах – это не моя кровь. Я упал на «снежного ангела» Джунипер. Теряя сознание, я успеваю увидеть накрывающую меня тень.

Глава 16. Снайпер

Очнувшись, я обнаруживаю, что опираюсь на ствол дерева. Мои шорты и толстовка пропитаны сзади кровью. Сначала я думаю, что моей, но потом понимаю, что лежал в луже крови Джунипер. В памяти возникает тень, накрывшая меня перед обмороком. Я вздрагиваю от страха и пытаюсь встать на ноги, но все еще слишком слаб. Кто-то продирается через кусты. Я вскидываю руки, как перепуганный ребенок.

– Успокойтесь, – раздается мужской голос слева от меня.

Детектив Гленн подходит и наклоняется надо мной. В одной руке у него телефон, в другой окровавленный платок. Он дотрагивается до моего затылка. Я стараюсь не вздрагивать.

– Хорошая новость в том, что это не ваша кровь. Плохая: вы проникли на место преступления.

– Мне очень жаль. – Я разглядываю свои ладони, выпачканные кровью Джунипер.

– Вчера вечером прошел дождь, и лужа крови стала больше. – Он подносит палец к моим глазам. – Картинка размыта?

– Нет.

– Тогда еще одна хорошая новость: не придется вызывать для вас вертолет.

– Я в порядке. Дайте мне секунду.

Затылок саднит, но это пройдет. Станных запахов не

ощущаю, головокружения нет – значит, скорее всего обошлось без сотрясения мозга.

– Вы здорово приложились головой о камень. Нашли же место!

– Я... Это от испуга.

– Могу себе представить. – Гленн выбирает сухое место и садится. – Какого черта вы тут делаете?

– Да вот решил, что лучше места, чтобы свалиться, и не придумаешь. – Я оглядываюсь на лужу крови Джунипер и качаю головой. – Господи.

– Да, не самая приятная ситуация. Но вы не ответили на мой вопрос. Почему вы здесь?

– Миссис Парсонс, мать Джунипер, попросила заняться ее машиной.

Гленн смотрит на меня с иронией.

– Прямо здесь? Тут неважно с парковкой. Вы уверены, что не ударились головой?

– В автомастерской... как его? Брайсона. Заодно он предложил поменять мне покрышки, а я тем временем решил прогуляться.

– И догуляли именно досюда? – скептически спрашивает Гленн.

– Я увидел ленты. Меня разобрало любопытство. Вы-то как сюда попали?

– А мне не нужна причина, но вам я отвечу: чтобы связать концы с концами.

Я вспоминаю ощущение, что был здесь не один.

– Вы за мной наблюдали.

– Да. С той минуты, как вы тут оказались.

– И ничего не сказали.

Гленн озирается, как будто пытается что-то вспомнить.

– Как это называется? Парадокс наблюдателя? – Он пожимает плечами. – Я решил, что интереснее будет узнать, что вы сделаете, считая, что вы тут один.

– Я знал, что я не один.

– Не исключено. Но держу пари, вы думали, что за вами крадется медведь или пума.

Тут он прав.

– Да, это вполне мог быть зверь. Вы двигались совсем бесшумно. Военная подготовка? Кем вы были в армии?

– Вторым номером снайпера.

Так называют солдата, сопровождающего снайпера и помогающего определить цель.

– Как я сам не догадался? Будь вы снайпером, то я бы уже был мертв.

– Ладно, на этот раз вы успешно унесли ноги с поля боя.

Я ощупываю дерево у себя за спиной и, опираясь на него, медленно встаю.

– Вы в порядке?

– Думаю, да. – Я отряхиваю прилипшие к одежде листья. – Как Джунипер сумела спуститься с холма, потеряв столько крови?

Гленн тоже встает.

– Почему вы решили, что мы нашли ее там?

– Это ближе к дороге. Я бы предположил, что она встретила медведя в чаще леса и попыталась бежать в сторону шоссе.

Он отрицательно качает головой.

– Нет, она умерла здесь, именно там, где вы упали.

– Так она бежала вверх?

– На вас когда-нибудь нападал медведь?

– Пять минут назад я думал, что ответ будет «да».

– А на меня ни разу. Но мне кажется, что единственным инстинктом будет бежать куда глаза глядят.

– Тут вы правы. Легко анализировать события, когда тебе не грозит смерть. Но все равно картина кажется нелогичной.

Гленн складывает руки на груди и смотрит по сторонам.

– Давайте так. Как ученый, вы можете сказать мне, что она здесь искала?

– Понятия не имею. Ее мать говорила, что Джунипер исследовала рыб. Но очевидно их здесь нет.

– Ближайшее озеро находится через перевал Брукмана, где месяц назад сошел оползень. Так что теперь единственный путь – двухдневный переход, половина которого идет через пастбища. – Он указывает в сторону дороги. – На другой стороне есть несколько прудов. Но отсюда туда, говорят, не добраться.

– Любопытно. Надо будет разобраться, что именно она

изучала.

– Сообщите мне, когда выясните. Может, она искала короткий путь?

– По-моему, она слишком умна для этого.

Гленн ведет себя так, словно пытается не съязвить. Качая головой, он говорит:

– Если она брала пример со своего учителя, то...

– Не судите ее, – отвечаю я холодно. – Может, я и недотепа, но, судя по всему, она оказалась в бою куда храбрее меня.

– Снова соглашаюсь, – произносит он серьезным тоном. –

Крутая девчонка.

– Жаль, что я плохо ее знал.

Гленн понижает голос.

– Бросьте, вам больше не грозит электрический стул, так что можете перестать морочить мне голову. Вы были очень хорошо знакомы, так ведь? Может быть, у вас даже бывали свидания?

Я бы двинул ему промеж глаз, если бы он не был вооружен, а я бы не был трусом.

В общем, меня хватает только на обиженный взгляд. Обидно, что он так обо мне думает. Обидно, что он так думает о Джунипер.

– Не будьте идиотом.

Он поднимает руки, мол, сдаюсь.

– Простите, это во мне инстинкт детектива. Хочется, знаете ли, поворошить и посмотреть на вашу реакцию.

– Какая теперь разница? Она мертва, медведя поймали...

– Все так, но все равно любопытно. Когда мне попадается человек вроде вас, очень хочется разобраться, что происходит у него в голове.

Не уверен, что мне нравится, что он до сих пор пытается выяснить мои мотивы.

– А вам уже встречались такие, как я?

– Когда я впервые встретил вас, то подумал, что да.

– Такие же неуклюжие болваны?

Гленн молча изучает меня.

– Нет. Мне вспоминается один человек, и он был убийцей.

Самым хладнокровным, какого только можно вообразить.

– Убийцей? – У меня подступает тошнота к горлу.

– Если быть точным, на нем было четырнадцать жертв, и это только доказанные.

Я холодею от такого сравнения.

– Серийный убийца?

– Я бы его так не назвал.

– А как бы вы его называли?

– Снайпером. Это при нем я был вторым номером.

От такого сравнения я теряюсь и бормочу:

– Ну, я опасен только для себя самого.

– Может, и так. Но у меня все равно такое чувство, что вас лучше не злить.

Глава 17. Банк ДНК

Вернувшись в мотель, я замечаю голосовое сообщение от Джулиана: «Позвони мне».

– В чем дело? – спрашиваю я его уже через минуту.

– Я отправляю тебе здоровенный файл. Готов анализ ДНК.

– Так быстро? – Я смотрю на часы. Его курьер забрал материал меньше двенадцати часов назад.

– Я пользуюсь услугами стартапа по быстрому ДНК-тестированию под названием Xellular.

– Никогда о них не слышал. – Он, конечно, намекает, что это его собственная лаборатория.

– И не должен был. Они работают не на науку, наш главный клиент – ЦРУ. Мы опознаем для них убитых террористов после ударов с беспилотников. Деньги не вопрос, главное – скорость получения результата. Скоро компания выйдет на коммерческий уровень.

– Звучит неплохо. Хотя я не знаю, что даст тест ДНК Джунипер. Какие-то гормональные или феромонные изменения видны в плазме крови.

Но он меня поправляет:

– Нет, Тео, я говорю про ДНК медведя.

– Медведя? Я не знал, что там остался волосяной фолликул, думал, что только стержень шерстинки.

– Никакого фолликула. Мы воспользовались стержнем.

– Не думал, что так возможно.

Считается, что волос содержит только митохондриальную ДНК, или мтДНК, передаваемую от матерей детям почти без изменений. От мужчин она не передается. Изменения в мтДНК, вызываемые случайными мутациями, происходят так медленно, что волос может служить своего рода генетическими часами, указывающими на разделение в популяции. Для идентификации личности волос практически бесполезен. У вас и у всей вашей родни по материнской линии одинаковая мтДНК. Другое дело – ядерная ДНК, или яДНК: в ней содержится комбинация ДНК обоих ваших родителей, то есть описание лично вас. По ней отличают одного человека от другого. Ядерная ДНК используется, чтобы клонировать кого-то или определить его причастность к преступлению. Клетки крови и кожи содержат и митохондриальную, и ядерную ДНК, но сам волос состоит из мертвых клеток и, как считается, не имеет яДНК.

– Надо же, Тео Крей чего-то не знает! – смеется Джулиан. – Да, раньше думали, что яДНК там нет из-за процесса кератинизации: считалось, что при отмирании и затвердении клеток волоса она разрушается. Но раз мы находим генетический материал в ископаемых останках через длительное время после того, как он должен был погибнуть из-за полураспада ДНК, то логично предположить присутствие жизнеспособной ДНК и в волосе.

Настоящей головоломкой было сообразить, как отчистить материал. Пару лет назад китайские ученые додумались при- менять для этого стиральный порошок. В итоге, разрабаты- вая ферменты для очистки пластин микрочипов, мы заодно нашли более эффективную формулу обнаружения ДНК.

– Ничего себе! И как продвигается создание твоего парка динозавров?

– Никак, разоримся на страховках. В общем, мне показа- лось интересным сравнить медведя, убившего Джунипер, с другим, нападавшим на людей. Кто знает, может, они под- вержены какой-то болезни – медвежьему бешенству? – Джу- лиану, как и мне, нужно рациональное объяснение. – Не знаю, сможем ли мы предсказывать преступное поведение медведей лучше, чем людей. – Он смущенно покашливает. – Как-нибудь, когда я буду точно знать, что нас не прослуши- вают, мы обсудим это, плюнув на политкорректность. Фрэн- сис Гальтон⁹, кажется, был на верном пути.

– Фрэнсис Гальтон был расистом, – напоминаю я Джули- ану.

– Я о другом. Ты пока что посмотри результаты теста. Я не успел загрузить их в GenBank¹⁰ и выяснить, к какому подви-

⁹ Фрэнсис Гальтон (1822–1911) – английский исследователь, географ, антро- полог и психолог; основатель дифференциальной психологии и психометрики. Ввел термин «евгеника».

¹⁰ GenBank (Банк генов) – бесплатная база данных, содержащая все анноти- рованные последовательности ДНК и РНК, а также последовательности закоди- рованных в них белков. GenBank получает и объединяет данные, полученные в

ду принадлежал этот медведь. Уверен, Служба рыболовства и охраны диких животных уже знает о нем все, включая меню его завтрака. Все, что я знаю о медведях, я почерпнул из «Маппет-шоу»¹¹.

Джулиан знает, что это идеальная работа для меня и способ справиться с ситуацией в комфортных условиях. Я благодарю его и вешаю трубку. Вскоре приходит письмо с заархивированным файлом. Для компьютерной программы ДНК – это просто текстовый файл со списком координат, за которым следуют последовательности, такие как acaagatgcc attgtcccc ggcctcctgc tgctgctgct ctccggggcc acggccaccg.

Что удивительно, эту информацию – а она описывает порядок связей нуклеиновых оснований (гуанина, аденина, тимина и цитозина) с сахарной и фосфатной группой – можно задать программе, и та воссоздаст ДНК, по одной добавляя нуклеиновые основания в раствор. Исследователь может отправить текстовый файл по электронной почте, загрузить данные в репликатор ДНК и поместить копию ДНК в «пустые» клетки, которые теперь станут идентичными копиями первоначального организма.

У меня никак не укладывается в голове, что жизнь можно пересылать по электронной почте, как картинки с котиками. Так что скоро мы уже услышим про ученых, отправивших

разных лабораториях, для более чем 100 000 различных организмов.

¹¹ «Маппет-шоу» – англо-американская телевизионная юмористическая программа. Основными действующими лицами были куклы животных.

по электронной почте целого кота. Сам по себе текстовый файл бесполезен, если не знать определенных цепочек и их расположения. Тут нужна специальная программа, помогающая понять, что вы ищете.

Поиск генетических истоков заболеваний представляет собой изучение определенных областей кода и попытки обнаружения различий. Мы думали, что справимся с раком и с другими болезнями, как только расшифруем весь геном. Проблема в том, то даже при условии, что некое состояние вызывается горсткой генов, сама последовательность не содержит подсказки о том, включена ли она в организме. Но мы движемся вперед семимильными шагами.

«Банк генов» представляет собой крупнейшее общественное хранилище генетической информации. Его содержимое – это образцы ДНК практически всех видов живых существ на планете. Первоначально база не превышала размерами нескольких томов энциклопедии. В ней были записаны не геномы целиком, а только известные базовые пары. Самая же свежая версия – это 165 миллиардов базовых пар, которые заняли бы семь миллионов книг. На счастье, все они доступны онлайн.

Я загружаю полученный от Джулиана файл, и результат готов уже через мгновение: *Ursus arctos*. Бурый медведь. В Северной Америке мы называем их «гризли». Как раз такой и лежал на земле. Увы, все, что я могу узнать о нем из «Банка генов», – это его принадлежность к популяции Вайоминга и

Йеллоустонского парка.

Удивляться тут нечему. Я ищу информацию об ученых, которые могут обладать более конкретной информацией о ДНК местных популяций медведей и нахожу исследовательскую группу из штата Монтана под названием *Ursa Major*. На удачу я набираю указанный телефонный номер с сайта и слышу в ответ женский голос.

– Доктор Кенделл слушает.

– Здравствуйте, это доктор Тео Крей.

– Чем могу помочь, доктор Крей? – Она говорит вежливо и очень по-деловому.

Я уверен, что они в курсе нападения медведя на Джунипер, и стесняюсь сказать о причине своего звонка. Честно говоря, причина не вполне ясна даже мне самому.

– Доктор Кенделл, я изучаю местную фауну. Нет ли у вас базы данных о чипованных и отслеженных медведях? – Не знаю, этично ли вот так просить у нее доступ.

– Есть. Пришлите мне ваш мейл, я отправлю вам логин.

Из какого вы университета?

– Из техасского. Но сейчас работаю по гранту «Бриллиант».

– О, человек-бриллиант! – смеется она.

– А ведь я умолял их сменить название!

– Напишите мне. Адрес есть там же на сайте, где телефон, и я отправлю вам данные доступа. Если я тоже подам документы на грант «Бриллиант», замолвите за меня словечко?

– Непременно.

Вот она, наука. Главное – подавать правильные сигналы.

Уже через пять минут я захожу в базу данных и начинаю копать в сотнях записей, описывающих учтенных ими бурых и черных медведей.

Каждому присвоен код вроде такого: UA20.22.06. У некоторых есть клички, придуманные специалистами, изучающими их поведение: Горшочек-с-медом, Паддингтон, Паддингтон-2, Винни, Бубу, Шалунишка.

К кличкам есть пояснения. Шалунишка, например, черный медведь, умудрившийся оплодотворить сразу трех медведиц.

Найти базу данных ДНК нелегко, но я ее нахожу. Загрузив полученный от Джулиана файл, я быстро нахожу хозяина волоса из раны Джунипер.

От клички, которую я читаю в файле мишки, меня бросает в дрожь.

Потрошитель.

Глава 18. Облом

Файл Потрошителя содержит информацию, собранную из уловителей шерсти – кусков колючей проволоки, удерживающей волосяные фолликулы (в них, как мы помним, присутствует яДНК), навоза, отпечатков лап, а также с GPS-ошейника, в котором он проходил год.

Это как база данных Агентства национальной безопасности, только по животному. Я могу даже узнать, что он иногда ел на завтрак. Лосятина, много лосятины.

Потрошителем его прозвали за привычку вспаривать жертвам животы. Он предпочитал длинные разрезы.

Есть также родословная: сведения о родстве и потомстве. Известно, что у него есть один выживший детеныш, имеющий только номер – UA.354.222. Наверное, из этого следует, что никто еще не установил связи между наблюдаемым медведем и ДНК его потомства.

Точки GPS-трекинга на карте отмечают его ареал. Получается, его охотничьи угодья были километрах в пятнадцати отсюда. Хотя это не редкость, что медведи выходят за пределы своей территории. К сожалению, информация GPS-трекера перестала поступать в конце прошлого года, поэтому остается невыясненным, как далеко он забредал, пока не очутился в этой части леса.

Улавливатели шерсти указывают на немного более об-

ширную территорию. Немалая часть информации собрана еще до того, как на зверя надели ошейник-передатчик. Странное дело – хотя, может, дело в моей неосведомленности, – но до сих пор он не переходил через перевал. Что, если он убил Джунипер потому, что оказался на незнакомой территории? Детектив Гленн упоминал, что путь был отрезан после схода грязевого оползня. Вдруг Потрошитель отправился на прогулку и не смог вернуться?

Это все, конечно, домыслы с моей стороны. Люди склонны думать, что ученые являются экспертами во всем, когда на самом деле у нас может быть настолько узкая специализация, что в итоге мы знаем меньше, чем неспециалист о многих научных темах, например о повадках медведя.

Кроме прочего, файл содержит фотографию Потрошителя, усыпленного для надевания GPS-ошейника. На ней он выглядит примерно таким же, как потом на синем брезенте: свирепым и одновременно спокойным. На левой передней лапе недостает одного когтя. Когти отрастают, ломаются и снова отрастают. Кажется, я видел его с полным комплектом. Как быстро отрастают когти? Хотелось бы сравнить. Пресс-конференции еще не было, но в Сети наверняка уже хватает снимков. Так и есть: немного поискав, я наткнулась на статью в местной газете. Там же угрожающий снимок Потрошителя, его морда обращена к камере с обнаженными клыками.

**СОТРУДНИКИ ПРИРОДООХРАНЫ ПОЙМАЛИ
ПОДОЗРЕВАЕМОГО ГРИЗЛИ-УБИЙЦУ**

Неназванные источники подтверждают, что сотрудник Службы рыболовства и охраны диких животных положительно идентифицировал и застрелил медведя гризли, который, как считается, виновен в гибели ученой, проводившей исследования близ округа Филмонт. Гризли опознан по ДНК как особь UA.223.334, согласно данным исследовательского центра Wildlife Genetics International¹².

Представляю, какой шум подымет пресса, когда узнает кличку медведя. Я снова заглядываю в файл Потрошителя, чтобы узнать, обновили ли его после гибели медведя. Нет, последнее обновление датировано прошлым годом. Наверное, у отвечавшего за это аспиранта и так хватает дел.

Я уже закрываю окно браузера вместе с профилем Потрошителя, но тут мое внимание привлекает кое-что еще. Приходится снова загрузить страницу. Вот это странно. UA.221.999/Ripper. Не тот номер, что в статье. Может, на одного медведя разные записи? Я вбиваю в базу данных UA.223.334. Открывается совершенно другой профиль. UA.223.334/Bart. Это описание совсем другого медведя. Образцы его шерсти нашли на ловушках совсем рядом отсюда. Я нахожу фотографию: снятый издали медведь идет по лугу. При всем сходстве Барта и Потрошителя, даже на мой неопытный взгляд видно, что это совершенно разные медведи. При этом я знаю, что до наступления зимы медведь мо-

¹² Международная генетика дикой природы (англ.).

жет набрать лишние сто килограмм веса, и, честно говоря, понятия не имею, как их различать.

Я загружаю и просматриваю файл с ДНК Барта. Последовательности различаются. Так и должно быть при дальнем родстве, но никак не может получиться при описании одной и той же особи. Для пущей верности я еще раз проверяю статью и базу данных. Образцы ДНК разные, сомнений быть не может. Кто-то где-то допустил ошибку. Я захожу на сайт Wildlife Genetics International, нахожу номер телефона и звоню в еще большей растерянности, чем когда соединился с Ursa Major.

– Здравствуйте, с кем вас соединить? – спрашивает женский голос.

– С заведующим лабораторией секвенирования, пожалуйста.

– С доктором Уиткомбом? Секунду.

– Трэвис слушает. – Голос кажется молодым.

– Доктор Уиткомб, извините за беспокойство. Я сейчас веду полевую работу и не могу соединиться с судебной-медицинской лабораторией. Не могли бы вы еще раз переслать файл убитого вчера медведя?

– Еще раз? – В голосе недоумение. – Я его даже не отправлял.

Проклятье! Нужна какая-то отговорка.

– Простите, меня неправильно информировали.

– Ничего страшного. Он у меня под рукой. Куда его от-

править?

В спешке я называю свой университетский адрес. Потом придумваю, как отговориться, если кто-нибудь станет спрашивать.

Поблагодарив его, я говорю:

– Можно маленький вопрос? Как они узнали, что это UA.223.334, не имея ДНК?

– С чего они взяли, что это тот самый медведь? Сам не пойму. По мне, они все на одно лицо. Расспросите охотника.

Я вешаю трубку и перевожу дух. Я ужасный лжец и не могу справиться со стрессом. Что еще хуже, я переступил этическую границу. Не знаю, нарушил ли я закон, это станет ясно потом – не исключено, что с последствиями для моей задницы.

Файл от Трэвиса уже пришел, и я загружаю его в программу просмотра ДНК. ДНК, взятая, как мне сказали, у убитого медведя, принадлежит Барту.

Самое вероятное объяснение – ошибка лаборатории Джулиана. Я лихорадочно набираю его номер.

– Что стряслось? – спрашивает он.

– Твоя лаборатория... Они не могли напутать с волосом?

– Сомневаюсь.

– Ты уверен?

– Могу обещать тебе две вещи. Во-первых, лаборатория никогда раньше не касалась медвежьей ДНК. Во-вторых, если бы мы допускали такие ляпы, это было бы чревато вой-

нами. В чем дело-то?

– Ни в чем. Ни в чем, уверен, ты прав. – Кто-то здорово напортачил. – Мне надо бежать. – Я поспешно сбрасываю звонок.

Как сказано в статье, пресс-конференция начнется через пару часов. На ней скажут, что убийца Джунипер обезврежен. Но это неправда. ДНК из волоса, обнаруженного в ране Джунипер, принадлежит не тому медведю, которого они застрелили. А значит, убийца все еще на свободе.

Глава 19. Отбой

Дежурному в полицейском участке я представляюсь как доктор Тео Крей, и меня отправляют в конференц-зал. Я делаю вид, что должен там присутствовать, поэтому помощник шерифа любезно провожает меня туда, где уже собрались детектив Гленн, шериф Тайсон – широкоплечая женщина со стоянки мотеля – и еще несколько человек.

Ричардс – тот самый охотник из Службы рыболовства и охраны диких животных – и Гленн прекращают разговор и смотрят на меня.

– Доктор Крей? – удивляется Гленн. – Простите, вас кто-то пригласил сюда?

В такой ситуации правильнее всего рискнуть, а не оправдываться, так что я обращаюсь к Ричардсу с прямым вопросом:

– Как вы узнали, что Джунипер убил именно медведь Барт?

Охотник молча ждет от Гленна и Тайсон объяснения моего вторжения, но те лишь недоуменно пожимают плечами, и он вынужден мне отвечать:

– Мы нашли на его мехе кровь жертвы, и ДНК совпало с ДНК медведя, которого мы искали.

– Это понятно, но как вы узнали, что надо застрелить именно Барта? Как вы могли знать, что это именно он,

прежде чем всадили в него пулю?

– Вы уж меня извините, доктор Крей, – вмешивается Гленн, – но что вас сюда привело?

– Меня привело то, что ДНК шерстинки из раны Джунипер не совпадает с ДНК Барта.

В комнате повисла неловкая пауза, молчание нарушает шериф Тайсон. Она говорит тихо, подбирая слова.

– Откуда у вас кровь Джунипер Парсонс?

Я даю четкий и исчерпывающий ответ:

– Мне дал ее по ошибке один из ваших помощников, и я решил провести анализ.

– Решили провести анализ? – переспрашивает она. – Это называется кражей вещественных доказательств.

Мне не нравится угроза в ее голосе.

– С этим разберемся позже. Сейчас важно другое: вы убили не того медведя, который убил Джунипер. – Я поворачиваюсь к Ричардсу. – Не обижайтесь.

Раскрасневшись от обвинения, он хлопает ладонью по столу.

– Медведь был покрыт ее кровью!

Мне не хочется его оскорблять, но факт есть факт.

– ДНК шерсти, найденной в крови Джунипер, указывает на другого медведя. Может быть, Барт наткнулся на ее тело? – Я смотрю на Гленна. – Черт, да я сам измазался в ее крови, вы же видели.

Тайсон косится на Гленна. Тот со вздохом объясняет при-

сутствующим:

– Доктор Крей проявил любопытство и решил побывать на месте преступления.

– А кто ему рассказал, где оно? – спрашивает Тайсон, повышая голос.

– Я сам нашел его, – вешиваюсь я. – Флажки на шоссе привлекают внимание, тем более когда ищешь именно их.

– С какой стати вы их искали?

Я сразу же изложил ей все свои причины.

– Потому что погибла одна из моих студенток. Наверное, я никудышный преподаватель. Я чувствовал себя дерьмово. Я хотел ответить на вопросы ее матери. Сам не знаю. Я просто пошел туда.

Вдруг вешивается рыжеволосая женщина, сидящая на другом краю стола.

– Как вы получили медвежью ДНК из крови Джунипер? – Ей лет тридцать с небольшим. Миленькая, минимум косметики.

– Переданный мне образец крови был взят из раны Джунипер. В него попала шерстинка.

– С фолликулом? – Она поворачивается к мужчине слева от себя, в котором я узнаю коронера.

Тот качает головой.

– В образце не было никаких фолликулов, мы проверяли, только сам волос.

Женщина поворачивается ко мне со снисходительным вы-

ражением на лице.

– Ваша лаборатория исследовала, похоже, митохондриальную ДНК. Они там что, недоучки?

Я багровею от оскорбления, но стараюсь отвечать спокойно:

– Знаю, новости приходят сюда с опозданием. Чтоб вы знали, при некотором умении из стержня волоса можно получить и ядерную ДНК.

Это, конечно, довольно самоуверенно с моей стороны: еще утром я сам ничего такого не знал.

– Это правда? – спрашивает ее судмедэксперт.

Она пожимает плечами.

– Не знаю. Надо будет спрашивать.

Я стараюсь успокоиться.

– У меня есть свои возможности. – говорю я, сразу же сожалея о напыщенном тоне.

– Надеюсь, они включают хорошего адвоката, – мрачно произносит шериф Тайсон.

– Минуточку, – снова вступает в беседу Гленн. – Прежде чем защелкнуть на нем наручники, давайте его выслушаем. Доктор Крей знал жертву, и его волнение в связи с происшедшим можно понять.

Тайсон картинно смотрит на часы.

– Только не тяните.

Никто не предлагает мне сесть, поэтому я подхожу к белой доске на стене и беру маркер. Я быстро рисую карту местно-

сти и отмечаю крестиком место, где нашли Джунипер.

– Вот здесь был взят образец крови, попавший ко мне. – Я ставлю еще один крестик там, где застрелили Барта. – А вот здесь Ричардс встретил Барта. Близко, поэтому логично. – Я рисую большой круг. – Видите, это территория Барта, согласно базе данных Ursa Major. Сами знаете, это был известный гризли, он так и просился в подозреваемые.

Но образец с места, где нашли Джунипер, содержал шерстинку медведя, жившего гораздо дальше. Он мог вторгнуться на территорию Барта. Джунипер могла оказаться между ними. Вы нашли ДНК Барта на месте ее гибели?

– Мы нашли шерсть, – отвечает судмедэксперт.

– Ну да, шерсть гризли. А как насчет ДНК?

Он отрицательно качает головой.

Я размашисто обвожу крестик, обозначающий Джунипер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.